

Санкт-Петербург Интеллигент

Международная литературно-публицистическая газета. №3 (3), апрель 2011 г. www.gazeta-pi.ru

Газета выходит один раз в месяц. Контакты для участия и сотрудничества, E-mail: surkis@yandex.ru, provint@yandex.ru

Петербург. «РУН ШЕЛЕСТИТ АТЛАС»

Клуб «Рунеж» – общественное объединение литераторов – как любителей, так и профессионалов. Среди его членов есть и музыканты, и живописцы. Клуб создан поэтами Дианой Радес и Петром Камчатый в 2001 году. Наше поэтическое товарищество предназначено для взаимопомощи литераторов; свободно от разрушительных элементов состязательности, доминирующих в настоящее время в творческих коллективах.

Девиз «Рунежа» – взаимопомощь, формирование в каждом члене коллектива чувства радости от успеха собрата по перу. Этот девиз не только помогает жить и работать, но даёт также великолепные плоды в творчестве. Одной из задач «Рунежа» является просветительская и литературно-историческая работа, активизация литературного процесса, начиная с раннего возраста, совершенствование мастерства, помощь в публикациях произведений начинающим авторам. Повышение качества творческих работ студийцев реализуется через публикации, выступления на радио и телевидении, участие в концертах, конкурсах, фестивалях, конференциях, поэтических вечерах (проведено более 250 вечеров). За девять лет подготовлено и издано 86 книг поэтов и прозаиков «Рунежа», из них прозы – десять книг. Выпускаем альманах «Рунеж». Более десяти человек стали членами Российского Межрегионального Союза писателей. Пять человек учатся на Высших литературных курсах, один – в Литературном институте (Москва).

Успешно участие «Рунежа» в районных, городских, всероссийских литературных конкурсах: «Молодые голоса», «Три века Санкт-Петербурга», «Пегасик», им. Ю. Инге, «Ангел надежды», «С веком наравне», «Рубцовские чтения», Ключевские чтения в г. Вытегра... Так, в преддверии 300-летия города «Рунеж» принял участие в городском поэтическом конкурсе «Три века Санкт-Петербурга», и шесть поэтов, членов клуба, стали лауреатами этого конкурса.

Деятельность в рамках «Рунежа» направлена на формирование в молодом поколении любви и уважения к русскому Слову, к русской литературе, на выработку тяги к вдумчивому чтению, на развитие литературного вкуса, творческих способностей в любом жанре литературы, на освоение чтецкого мастерства, на ослабление клипового телевизионного сознания, создающего не творца, а потребителя, а также на формирование высоких качеств Человека и Гражданина: верность и служение Родине, доброе отношение к миру, мужество, честность, трудолюбие.

Члены клуба любят поэзию, а не себя в поэзии.

Диана РАДЕС

Поэт, организатор и руководитель литературного клуба «Рунеж», автор одиннадцати поэтических сборников, редактор и составитель альманаха «Рунеж». Кандидат технических наук. Член Российского Межрегионального Союза писателей, профессор Академии Российской Словесности и Изящных Искусств им. Г. Р. Державина. Лауреат международного, всероссийского, городских литературных конкурсов, в том числе Международного фестиваля искусств «Звуки и краски мира», Париж, 2007. Награждена академическими медалями Г.Р. Державина, С.А. Есенина, А.С. Пушкина, орденом «Польза, честь и слава», медалями М. Шолохова, Ф.М. Достоевского. Выступает с сольными концертными программами, участвует в музыкально-поэтических вечерах.

Из цикла «РУСЬ МОЯ»

Боюсь я поведать, боюсь предсказать
Победу подземного царства.
Нам некуда с нашей планеты бежать,
Мы примем любые мытарства.

И глохнут, и гибнут России ключи,
Не бьют родниковою силой.
Глашатай-поэт, говори, не молчи,
О бедах России любимой.

И света, и правды накапай в бокал,
Он станет любви эликсиром.
И, может, утихнет безумия шквал,
И дело закончится миром.

Я надеюсь, ещё поеду
По Российским святым местам,
Поклонюсь в Беломорье деду,
И мой голос услышат там
В Сыктывкаре, Пермском Урале
Есть что видеть

и что сказать...

Прикоснуться Камчатской дали,
Волнам Тихого – честь отдать,

И Сибирью пополнить душу,
Заглянуть к ней сквозь вес веков
И заставить её послушать, –
Укрепить наш российский кров.

Гиперборейские горы
Из прошлого бросили тень.
Греческих мифов узоры
«Наводят тень на плетень».

Нашей истории камни
Разбросаны. – Кто соберёт?
Из прошлого снежные сани,
Как прежде, летят вперёд.

Память о прошлом в сугробах,
Забытая нами лежит,
И чужеземная злоба
На нас свысока глядит.
Есть что видеть и что сказать...

Петр КАМЧАТЫЙ

Родился 10 марта 1948 г. в г. Ленинграде. Закончил Ленинградское речное училище, отделение «Морское судоходство» – техник-судоводитель. Литературные объединения: Истры, Ленинграда, Петропавловска-Камчатского, Санкт-Петербурга. Отношение ко Времени, в котором живём – СМУТНОЕ. Микромир – книги, среди друзей – всё реже, их список становится короче.

Я родился на Газа*, двенадцать,
И не верилось мне никогда,
Что придется кого-то бояться,
А виновные будут всегда.

И героев низвергнут, как лики,
На погранье кричащих повес.
Над Фонтанкой мосты, как вериги,
Отражаются все до небес.

Но с годами всё чаще тоскую
По родным, заповедным местам.
Исчезаю я в даль вековую
Поклониться церквям и крестам.

Чтобы снова Обводного** остов
Под моими ногами лежал.
Вечно юный Васильевский остров
До разводки у Шмидта держал.

*Газа: «Проспект в Петербурге. Нынче называется Старо-петергофский»

** Обводный: «Обводный канал – канал в Петербурге».

КОРНИ

Во всем будь пращуру подобен!
А.С. Пушкин

Корни предков моих затерялись
в древнейшей Руси:

В новгородских,
архангельских
и вологодских селеньях.

По Указу Петра в Петербург
поэтапно вели,

Поднимали на дыбу
тринадцатое поколение.

Мой прапрадед собрал
нашу древнюю-древнюю ветвь,
Но пожары великих
бушующих дней революций
Всё развеяли в пепел.

Загнали в озерную весь...
А потом пятилетки...

Уфимских лесов экзекуции...
Стало стыдно кому-то...

Так что же мой прадед имел?..
Отрекался мой дед...

Честь и совесть, и ум
заклеймили сатрапы.

Разбросало родню от Невы
за амурский предел,
Замотало родню по судам,
пересылкам, этапам...

Я прошел всю страну,
познавая её, не таясь,

Плавал в разных морях,
побывал в экзотических странах,

Никогда не терял даже
с малою родиной связь.

И корней не топил
в просолённых, чужих океанах.

10. 03. 1983, Берингово море.
БМРТ «Алексей Махалин».

ВЫТЕГОРЬЕ

Я брожу по Вытегорью
Там, где прадеды мои
Жили, строили с любовью
И дома, и корабли.

Уходили молодыми
Не за тридевять земель –
В Петербург, где и поныне
Крутит вешая метель.

И не зря сказал: «Служили, –
Мой прапрадед в майский день, –
Всё – Царю и Божьей силе.
Вы ж – безбожники теперь!..»

И не смел мой дед перечить, –
Прав и смел седой старик.
Под иконой старой свечи
Освещали Божий лик.

Юлия СЕМЁНОВА

Родилась в Ленинграде 3.02.1977 года. Оператор ЭВМ. Закончила также библиотечный техникум, затем – университет им. Кирилла и Мефодия по специальности «юрист». Стихи пишет с детства, с 1999 года стала относиться к своему творчеству серьёзно. Автор двух поэтических сборников, член Российского Межрегионального Союза писателей. Учится на Высших литературных курсах.

... И платье белоснежное
Зимы почти изношено.
Весны касанье нежное.
Зима уходит в прошлое.

Уходит, возмущается,
Грозит последней выгою...
Капель. Весна прощается
С холодной подругой.

Весна – зелёная аллея,
Черёмух терпкий аромат,
Всё позже вечером, краснея,
Уходит солнце на закат.

Наряд белеет стройных вишен,
И яблонь цвет вот-вот вспорхнёт,
И посвист соловья всем слышен:
Влюблённый, сладостно поёт.

А ландыш белый и невинный
Давно поднялся из земли,
Но прячется в тени, пугливый,
Там, где нарциссы отцвели.

На куст венец надет нарядной
Листвы, что так Весне к лицу.
Зерно росток рождает плавно –
Начало сущному концу.

Зинаида КОННАН

Родилась в 1966 г. в Ленинграде. В 1987 г. окончила филологический факультет Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена. Филолог, лексикограф. С конца 80-х годов работает в Институте языкознания и одновременно занимается литературным творчеством. Член литературной студии «Рунез», Лауреат городского юбилейного поэтического конкурса «Блистательный Санкт-Петербург» к 300-летию города. Член Союза поэтов Санкт-Петербурга. ответственный редактор журнала «Голоса Петербурга».

Её стихи опубликованы в газетах и альманахах. В 2007 г. вышел первый сборник стихов «Пепель розы» под редакцией Дианы Радес, в который вошли стихотворения 1988–1999 гг. Выступает с сольными концертными программами, участвует в музыкально-поэтических вечерах.

ДЕНЬ ПРЕКРАСНОЙ ДАМЫ

Размышления накануне дня 8 Марта

К празднованию дня 8 Марта женщины относятся по-разному. Значительная часть воспринимает этот день именно как праздник, ждет в свой адрес море комплиментов, а в подарок – духи и умирающую природу в виде срезанных, упакованных и законсервированных, посеребренных цветов. Не потому что они, наши дамы, так нуждаются в духах или безумно любят цветы, а потому, что так принято, положено и является неременным доказательством мужской любви и преданности. Отступление от стандарта может вызвать серьезное сомнение в благонадежности возлюбленного.

Другая часть женщин, напротив, относится ко дню 8 Марта весьма негативно. Кто-то называет этот праздник «днем всеобщего подхалимажа». Женщины, работающие в органах МВД, по их собственным словам, ждут этого дня с ужасом, так как у правоохранительных органов он связан, прежде всего, со всевозможными ЧП, вызовами по поводу пьяных драк и прочих преступлений «на бытовой почве».

Некоторые женщины усматривают в дне 8 Марта всего лишь советский праздник с весьма подмоченной репутацией. Да и сам-то Международный женский день, как выяснилось, вовсе и не является таким уж «международным», и празднуют его далеко не во всех странах мира, а многие иностранцы о нем, оказывается, и слыхом не слыхивали: у них есть собственные праздники, посвященные женщине...

Но вот что любопытно. Как бы мы ни относились к государственным или религиозным праздникам, очень многие из них – хотим мы того или не хотим – каким-то удивительным образом оказались приурочены к древнейшим, еще дохристианским, доисламским и т.д. празднествам и мистериям, посвященным космическим, небесным светилам, природным стихиям, мужскому и женскому началу. Наш, европейский, Новый год и Рождество, например, по времени приближены к Дню зимнего солнцестояния, 21-22 декабря; Пасха празднуется весной, тогда как 21 марта – это День весеннего равноденствия, когда Солнце входит в знак Овна и начинается новый годичный цикл. Это древнеарийский Новый год. Ему предшествует пятидневный пост в честь пяти рас. Далее следует 1 Мая. То, что сейчас отмечается как «День солидарности трудящихся», по христианскому календарю не что иное, как День святой Вальпургии – знаменитая Вальпургиса ночь; но, как известно, Лысую гору и Гарц в ночь на 1 Мая посещают избранные – это очень малый процент народонаселения, а вот наряжают майский шест (или майское дерево), выбирают майскую невесту и празднуют этот день с незапамятных времен. Так было, во всяком случае, в Европе. Иванов День. Купала. Лиго у прибалтов и Лиля у древних арийцев. День летнего солнцестояния 21-22 июня. Об августовских Спасах – яблочном, ореховом, медовом и льняном – и вовсе говорить не приходится. У древних ариев это были детские праздники, связанные с посвящением детей и приобщением их к миру взрослых. Далее – День осеннего равноденствия. Рождество Богородицы и День Благодарения у амери-

канцев, который празднуется якобы в честь открытия Х. Колумбом Америки, за что они его, собственно, и благодарят. И, наконец, День Всех Святых – знаменитый Хэллоуин, кельтский Самхейн, который наверняка имеет еще более глубокие корни.

По имеющимся сведениям, у наших далеких предков был весенний праздник, посвященный женским божествам и женским энергиям. Наверно он был связан с пробуждением природы, Матери-Земли, культами плодородия. У древних ариев есть гимны в честь невесты-Зари, которая полгода спит в небе (или в горе) и которую каждую весну будит златокудрый жених-Солнце (узнайте Спящую красавицу, Мертвую царевну, Белоснежку?).

Слово «женщина», как правило, ассоциируется и сочетается с такими понятиями, как «жена», «мать», «хранительница домашнего очага». Это, конечно, верно, и все же я бы поставила его в один ряд прежде всего с такими понятиями, как «богиня», «королева», «жрица», «муза» и «хранительница жизни», а не только «домашнего очага». Потому что и богини, и королевы были чаще всего плодотворны и имели мужей в лице какого-нибудь бога, короля или, на худой конец, принца-консорта. Даже некоторым жрицам на каком-то этапе разрешали покидать храм и обзаводиться семьей (Дева Мария тоже до замужества жила при храме), но и оставаясь безбрачными, эти женщины выполняли свою миссию, совершая духовную работу. А всегда ли способна рядовая жена и мать в любой ситуации поступить по-королевски и уж тем более осознать в себе божественное начало? Увы... Иных подавляет осторожно-трусливый социум, а другие, внимая писателю Виктору Ерофееву, искренне убеждены в том, что «женщину украшает заурядность»...

Итак, как же всё-таки относиться ко дню 8 Марта тем, кто на распутье или склонен всё же его не признавать?

Мне думается, праздновать этот день и радоваться ему всё же нужно. И относиться к нему именно как к празднику, пришедшему из глубины веков, завещанному нам нашими предками. Как к большому празднику в честь священного женского начала, в честь Бога в его женской ипостаси, в честь Души Мира, Матери Мира, Инь, Пракрити, Шакти, Прекрасной Дамы. Тех самых, кому я посвящаю это стихотворение:

**Зеркало в небе ночью
Начало снова сиять.
В царство, обьятое сном,
Смотрит Великая Мать.**

**Ради Тебя чрез костры,
Пытки, мученья прошли
В годы кровавой поры
Мурые дщери земли.**

**Но для религий мужчин,
Верящих в Бога-отца,
Есть только Он – Триедни,
Женского нет в них лица.**

**Мы не отринем твой дар –
Всходы дадут семена,
Мокошь, Кибела, Иштар,
Дева Мария, Луна.**

Декабрь 2003 – 12 июня 2004.

Ну, а что касается традиционной в этом случае мимозы... У мимозы ведь тоже есть разные ипостаси. Лично мне больше по душе северная, только где же найти весной типично осенний цветок? Разве что в стихотворении.

СЕВЕРНАЯ МИМОЗА

**Эта нежность северной мимозы,
Под окном расцветшая в саду, –
Нет, не те весенние завозы,
Что спешат продать вам на ходу:**

**Веточки сухие в желтой пудре,
Празднично-подарочный стандарт,
Что, испачкав пальцы в перламутре,
Год за годом преподносит март.**

**...Тонкие метелочки высоки,
Как камыш, тростник или рогоз.
Созерцали ль вы из дачных окон
Эту прелесть северных мимоз?..**

26-27 мая 2006.

И последнее. Думаю, что я не окажусь в одиночестве, если признаюсь, что в связи с днем 23 февраля мне очень неловко произносить напыщенно-советское «День защитника Отечества». Гражданский человек от такого поздравления, скорее всего, заскучает. А вот если поздравить мужчину с Днем Отважного Рыцаря, он, глядишь, и впрямь почувствует себя таковым. Ну а нас, женщин, какое название нашего праздника вдохновит больше: торжественно-официальное «Международный женский день 8 Марта» (который, как уже было сказано, отноду не «международный») или романтически-возвышенное «День Прекрасной Дамы»? Вот то-то и оно.

С Днем Прекрасной Дамы, сударыни!

С 25.01 по 6.02 в Союзе художников на Большой Морской состоялась выставка Владимира Колбасова, ставшая заметным явлением в жизни города.

Поэтессе Ирине Додоновой удалось побеседовать с художником.

АКВАРЕЛЬНЫЕ МИРЫ ВЛАДИМИРА КОЛБАСОВА.

Владимир Колбасов родился в Ленинграде в 1960 г. Основам акварельной техники начал обучаться в Городской художественной школе, затем была Академия художеств, служба в армии, работа в проектной мастерской и в Комитете по градостроительству и архитектуре Санкт-Петербурга. В настоящее время художник руководит персональной творческой мастерской акварельной живописи, он участник многочисленных выставок в России и за рубежом, его картины находятся в частных собраниях России, Германии, Австрии, США, Израиля, Англии, Китая, Канады, Чехии, Польши.

Что отличает подлинные вещи от искусной подделки? Их неповторимая энергетика, которая способна «зацепить» даже с другой стороны компьютерного монитора! Когда в почти бесцельных блужданиях по просторам Интернета, ты вдруг словно спотыкаешься обо что-то и видишь перед собой нечто завораживающее и удивительное, и, забыв обо всем, ныряешь вглубь «короличьей норы» и отправляешься вслед за ссылками Всемирной Паутины в Страну Чудес!

Именно так произошло мое первое знакомство с Акварельными Мирами Владимира Колбасова, художника, волшебника и поэта, рассказавшего мне о моем любимом и, казалось бы, знакомом городе столько фантастических и очень правдивых историй.

А потом мир виртуальный сделался почти реальным на персональной выставке Мастера, которая с 25.01 по 6.02 проходила в Союзе художников на Большой Морской, где в небольшом в общем-то зале разместилась целая Вселенная.

Акварель, по мнению самого Владимира Колбасова, все-таки искусство камерное, интимное, теряющееся в огромных залах, предназначенных для масштабных полотен. Большие картины выплескивают себя на зрителя, в то время как акварель приглашает внутрь, словно затягивает в свою пространственно-временную глубину. Картины – это открывающиеся окна, за которыми целый мир!

Именно так, как внезапно открывшиеся окна, на фоне работы над другими картинами появились на свет «Самоходки» Владимира Колбасова. («Самоходки» – оригинальный жанр, название которого родилось из игры словами «самоходки»=«танки»=«танка», короткое японское стихотворение-зарисовка).

Это немного странные, яркие, символические, минималистические, без присущей Колбасову множественности деталей картины-зарисовки, конспект мыслей и чувств художника в предельно концентрированной форме. Самоходки возникают в потоке творческой работы, но от этого не менее сказочные и завораживающие.

Но главным героем картин художника все же является Город, возможно, именно поэтому на картинах почти нет людей... Город с его старыми улицами, улочками, дворами, крышами и подворотнями – словно порталы в иные миры, реками и каналами заполняет собой всё пространство, дышит, смотрит, живет...

Есть очень разные портреты Петербурга – парадные с набережными и дворцами («Люблю тебя, Петра творенье! Люблю твой стро-

гий стройный вид...»), мрачные, с помойками и дворами-колодцами... На этих портретах Город является нам то во фраке, то в военном мундире с золотом и эполетами, то в потертом унылом сюртуке Родиона Раскольникова... Свой же Петербург Владимир Колбасов называет господином Серебряного века, в мягких штанах и вельветовом пиджаке, его Город вальяжный, неофициальный, светлый, даже дождливым днем, и при этом глубоко таинственный и мистический.

Художнику удивительным образом удалось запечатлеть именно Душу Города, живую и подвижную. Здесь нет точных линий и прямых перспектив, как нет этого и на самом деле в глубине петербургских дворики и переулков, тут у каждой линии своя пластика, свое ощущение, они живут и движутся, составляя дыхание Города.

Именно в прогулках по городу, в общении с ним Владимир Колбасов черпает свое вдохновение, в этюдах и мгновенных зарисовках с натуры ловит настроение, чтобы затем перенести его в свои чуть фантастические и одновременно абсолютно живые акварели.

Во время выставки прошли также мастер-классы художника, где он рассказывал и показывал, как создаются его удивительные работы. Это была настоящая мастерская волшебника! Ведь что отличает истинное волшебство от фокуса – когда секрет фокуса раскрыт, чудо пропадает, и он становится неинтересен, настоящее же волшебство остается волшебством, даже когда происходит на глазах у публики! Мастер щедро раскрывает свои секреты, рассказывает, как художник разговаривает с бумагой, выстраивая каждый раз новые отношения с новым листом, как подбирает кисти, краски и карандаши, продумывает композицию... Но это не объясняет Чуда, которое в данный момент происходит на листе, когда за какие-то два часа из ниоткуда возникает целый мир!

Удивительные миры возникают и в иллюстрациях Владимира Колбасова к сказке «Страна Лжи». Каждая из этих картин уже сама по себе отдельная история, насыщенная множеством интригующих деталей и образов, картина-головоломка, зовущая ее разгадать.

И совсем другие по форме и настроению нежные, бархатные картины нашей северной природы живут в пейзажах художника. В них запечатлены, нет, не образы даже, но ощущения рассветов, закатов, водной глади, из этих работ струится золотистый свет, словно утренний туман, обволакивающий зрителя и зовущий за собой в озерную даль...

Ведь, по словам самого Владимира Колбасова, поэт делает поэтом не знание языка, но его виденье мира, равно как и художника художником делает не техника, но ощущение окружающего бытия...

В художественной выставке, как в хорошем вине, особую роль играет то послевкусие, которое еще долго смакуешь после завершения вернисажа. Когда сквозь снегопад возвращаешься домой по ночному городу и вдруг с удивлением замечаешь, что в туманном свете фонарей старые дома, их окна, двери и водосточные трубы действительно приходят в движение, и на самом деле в их силуэтах нет ни одной прямой линии! И рождается ощущение чуда, когда абсолютно физически ощущаешь себя внутри картины, внутри того мира, который художник изменяет и создает своей акварелью...

P.S. с картинами В.Колбасова можно познакомиться на его сайте <http://www.kolbassov.ru> и в группе «В Контакте» «Акварели Владимира Колбасова» <http://vkontakte.ru/club3973096>

Ирина ДОДОНОВА

На вернисаже

Петербург. Огородная страничка

Людмила ЯВОРСКАЯ

Вы ко мне? Ну, что ж, давайте руку,
Будемте знакомы: я – наука
Геология. Итак, прошу
К моему лесному шалашу.
Илья Фояков

Людмила Александровна Яворская всю свою жизнь работала картографом, с рядового до начальника рядовых. Сначала чертила карты в Западном геофизическом тресте (ЗГТ), на Дворцовой набережной в Ленинграде: «На потолке нагие бабы и амурь, Когда-то Герман проиграл здесь отчий дом. И, сидя здесь, наши Трест Работал в сотнях мест, И был известен он Na Nord, и Ost, и West» Потом - рисовала стенгазеты в Ленинградской Экспедиции. Так переименовали ЗГТ. Потом – в Петербургской. А Людмилу переименовали в Поэта. В 2008 году, к сожалению, Людмила Яворская ушла из жизни.

ОТДУШИНА

Какое счастье, если есть
У вас отдушина – шесть соток!
Хоть завтра можно в поезд сесть,
Сбежать с «хрущевок» и высоток.

Рюкзак пригрелся за спиной,
В руках две сумки и корзина.
Вот поворот, потом второй,
Ручей, за мостиком низина.

И, наконец, предел мечты:
Твой дачный домик типа «будка».
Здесь каждый кустик знаешь ты,
Здесь час проходит, как минутка.

В теплицу входишь, будто в рай.
Вот новый лист! Цветочек! Завязь?!
О! Эта завязь невзначай
Не породила б чью-то зависть.

Твой нынче первый огурец!
Нет за труды ценней награды.
Сосед, построивший дворец,
Наверняка умрет с досады!

К ВОПРОСУ О ЗАСОЛКЕ ОГУРЦОВ

Когда-то был совсем безусый,
Влюблялся в полосатых ос.
Умел запрягаться искусно,
Так беззаботно, быстро рос.

Любил под душем искупаться,
Попить колодезной воды,
Туманным солнцем любоваться,
Не знал, не чувствовал беды.

И вдруг финал: веранда, плаха.
Над «попкой» нависает нож.
Он, весь в пупырышках от страха,
Хрипит: «Хозяюшка, не трожь!»

А дальше – плен в стеклянной банке
И пытки: кипяток, рассол.
Кругом такие же подранки,
И кто-то слаб, а кто-то зол.

Зонты укропа в желтых крошках,
Чеснок и хрен за Главных здесь...
И кто откажется с картошкой
Его, просоленного, съесть?

ЛЮБОВЬ И КАРТОШКА

Ей повезло: ее не съели.
Она тихонько проросла
И дождалась заветной цели –
Вот поле, где она цвела!

Где в небе жаворонок вился,
Где солнце щедро лило зной,
Где белой ночью с ней резвился
Однажды ветер молодой.

Случалось и грустить, и плакать:
Сгорела в одночасье мать.
Пришлось терпеть нужду и слякоть,
Сестренку малых поднимать.

Искать корнями где-то воду,
Пугаться чьих-то жадных жал.
Своим хозяевам в угоду
Копить без усталости крахмал.

Как мало в жизни светлых пятен,
Как много долгого труда...
Что ни пищи, конец понятен:
КАРТОШКА — главная еда!

ПРЕВРАТНОСТИ СУДЬБЫ

Уже прошел весенний пир!
Цветы разлили аромат.
Из душных питерских квартир
На дачу выбрался ТОМАТ.

Он так устал смотреть в окно,
Тянуться к солнцу и дождю...
Вот дача! Дышится легко!
И кто-то шепчет: «Милый, жду!»

Смотри, как сад у нас красив!
Знакомься: наш владыка — дуб.
Там притаилась стайка слив,
Тут яблони потомства ждут.

«А это?» — «Это наш Жасмин!»
«Какой чудесный аромат,
Вот если б подружиться с ним», —
Подумал худенький Томат.

Но как судьба бывает зла:
Беднягу волокут в теплицу.
Там был уход: полив, зола!
Зачем? Чтоб им украсить пиццу!

КЛУБНИЧКА

Она любовь узнала рано.
Еще спала трава кругом,
А у нее уже романы,
Жених толпится табуном.

Щавель она отвергла сразу:
Невзрачен, кисел, не богат.
Хрен был горяч, но он же фразу
Не скажет, чтоб не вставить мат.

Потом слизник влюбился страстно,
Клубничку целовал взасос.
Жабенок паялся напрасно...
И тут явился певчий дрозд.

Любовник опытный, горячий
Он ничего не обещал.
Жестоко думал: «Пусть поплачет».
И снова сладкий рот терзал.

Трагедия была на грядке!
Но как мы до КЛУБНИЧКИ падки!

ДИФИРАМБ КАПУСТЕ

На даче выросла капуста.
Скрутила крепко свой наряд
И огляделась: грядки пусты,
Деревья голы, замер сад.

Ночами подступает стужа,
Днем не укрыться от дождя...
«Я так толста и неуклюжа,
Все позабыли про меня».

Не знала глупая девица,
Что в мире нет ее нужней.
С ней можно круто веселиться,
В Париж поехать можно с ней.

Что можно выстроить хоромы,
Купить роскошный лимузин...
Но фигурально что-то все мы.
Не фигурально – факт один:

Вкуснее квашеной капусты
Никто продукт не избрал.
А если лишний принял «груз» ты,
Лекарство лучшее – рассол.

ПЕТРУШКА С СЕЛЬДЕРЕЕМ

Лишь только снег сошел с полей,
Земля очнулась, задышала,
Зажав в ладошке сельдерей,
Хозяйка к грядке побежала.

Посеяла за рядом ряд...
Но вот уж наступает лето.
«А был ли мальчик?» — говорят,
На грядке тихо, нет ответа.

Хозяйка с лупой, в двух очках,
Хозяин на коленках рядом,
Усердно роясь в сорняках,
Нашли едва живое чадо.

Мокрицу взяли в оборот,
Крапиву, лебеду – за ушко!
...Ну, СЕЛЬДЕРЕЙ! Ведь каждый год
С тобой такая вот петрушка!

ЛИЦО КAVKAZСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ

Он значился лицом с Кавказа,
Хоть жил у нас не первый год.
Он помнил пылкий свой народ
И сам влюблялся пылко, сразу.

Он познакомился с артисткой –
Великолепный цвет лица!
Но Реди (попросту Редиска)
Не оценила молодца.

Потом Марго (читай Морковка).
Он предлагал ей стать женой,
Но распрекрасная плутовка
Жила с Турнепсом под землей.

Он стал искать любви попроще,
Что проще Репы может быть?
Сам красный, крючковатый, тощий,
А той приспичило любить.

В итоге ослабел он сердцем,
Стал жгучим, едким старичком.

Его не даром кличут ПЕРЦЕМ.
Не вздумай закусить стручком!

ТЫКВА-ПУТЕШЕСТВЕННИЦА

В старинных сказках для детей
Кареты-тыквы мчали фей.
И может, с тех далёких пор
Все ТЫКВЫ рвутся на простор.

И та, о ком идёт рассказ,
На грядке отыскала лаз
И всё равно куда-нибудь
Пустилась в свой опасный путь.

Вот, наконец, большой сарай.
А может, там на крыше рай?
Хотела по стене вползти,
Но встал Хозяин на пути.

И что ж Хозяин увидал?
А то, что близится скандал.
Мужских цветов полным-полно,
А женских – может три всего.

Хозяин доверял шмелям,
Но здесь за дело взялся сам:
Сорвав с плети цветочный «срам»,
Пошел решительно на «дам».
Гудел при этом и жужжал,
К тычинкам пестик прижимал.

И стала мамой Cucurbita
Страсть к путешествиям забыта.
Детишек в животе лелеет
И час от часа тяжелеет.
Вот какова смекалка наша!
А как вкусна из ТЫКВЫ каша!

ПРИТЧА ПРО ПОДСОЛНУХ

Взглянув в стекольное оконце,
ПОДСОЛНУХ вдруг увидел солнце,
Не то, что в небе высоко –
Себя увидел самого.

Как солнце, круглый, ярко-рыжий,
Подсолнух закричал: «Да мы же
Родные! Солнце мне отец!
Теперь я знаю, наконец,
С кем наша мамка согрешила,
Не утаишь в котомке шила».

С тех пор подсолнух молодой
За солнцем крутит головой.
Глаз со светила не спускает.
А солнце внуков в нем считает.

КАБАЧКИ

У КАБАЧКОВ характер разный:
Один взирает в небо празднично,
Пускает пышно пустоцвет,
А прока никакого нет.
Под осень, правда, вышла почка,
Но стужа скушала сыночка.

Другой – типичный ловелас,
Сбежал к картошке через лаз.
Одну пощекотал усами,
Другую одарил цветами,
Десятой сделал комплимент.
И вдруг погиб во цвете лет.

А третий КАБАЧОК – отец,
Красавец, рослый молодец.
Вступил в законный брак с пчелой
И наплодил детишек рой.

И что ни сын – акселерат!
Уж как Хозяин будет рад!!!

О ДРУЖБЕ

Они росли в одном дворе.
Играли в догонялки, прятки
И находились в той поре,
Когда мы так до дружбы падки.

Сдружились – не разлей вода.
И обе привязались к саду.
Но научилась жечь одна,
Другая – доставлять усладу.

Одна, чем старше, тем добрей,
Другая – всё сильнее жалит.
Не знаешь, кто из них хитрей:
Та всех ругает, эта – хвалит.

Но вот в один погожий день
Нежданно пробил час разлуки.
Крапиву всю через плетень
Перекидали чьи-то руки.

Малина сбросила листву...
Потом пришли ветра и вьюги.
Как тошно было ей в саду
Без злой, но преданной подруги.

ЛУК ОТ СТА НЕДУГ

Когда все кинулись в «Дела»
И накопление купюр,
На Лук идея снизошла,
Подумал: «Чем я не амур?»

Стрел у меня большой запас,
Полным-полно смазливих лиц.
Есть – посорить деньгами класс
И много вызревших девиц.

И вот, когда гулял апрель.
Пустил стрелу коварный лук...
Редиска вышла на панель,
Ей торговали прямо с рук.

Потом петрушка и салат,
Морковь – на всех хватало стрел.
И Лук стал сказочно богат...
Но горький ждал его удел.

Обчищен догола был лук,
Изорван золотой атлас,
Прознали, что от ста недуг
Хранится в нем богатств запас.

БОСС – УКРОП

Выше всех взлетел УКРОП.
И, лишь солнце засияло,
Избежать удара чтоб,
Зонтик вскинул, как забрало.

Под забралом хитрый взгляд,
Ярко-рыжие веснушки.
А уж зеленью богат! —
Что там Луки и Петрушки!

Говорят, что этот босс
Был у самого кормила
И удачно хапнул воз
Ни чего-то – Хлорофилла!

Прочей травке хлорофилл
Выдавался по рецептам.
Кто-то свой рецепт пропил,
Кто-то дал расти процентам.

Вдруг да скопится на гроб?
Ну, а что же с нашим боссом?
Зеленеет БОСС – УКРОП:
Отмеряет солнце босым.

РЕДЬКИН МУЖ

Всем доподлинно известно,
Что не слаще редьки хрен.
Но решить, кому дать место
Трудно в кризисный момент.

Наводить пришёл порядки
В это лето Редькин муж.
Самым главным стал на грядке,
Морда чёрная, сам дюз,

Все вопят: «Давай навоза!»
Все кричат: «Давай полив!»
Мол, цвести не может роза,
А на сливе нету слив.

Редькин муж знаком был с газом.
Знал: где газ, там и навоз,
Накормить решил всех разом –
Еле ноги сам унёс.

Только хрен разросся пуше,
Остального нет следа.
Редькин муж хотел, как лучше,
ПОЛУЧИЛОСЬ КАК ВСЕГДА.

Прибалтика

Татьяна РУСКУЛЕ

Живёт в Латвии, г. Даугавпилс. Член русской писательской организации Латвии, дипломант международного конкурса русской поэзии «Под небом Балтики» (Эстония), дипломант конкурса литературы и искусства «Русский стиль» (Германия), спецноминация «За талант и женственность в поэзии» 3 место. Автор трёх книг стихотворений: «С любовью от Анны», 2007, «По улицам расхлёстанных дождей», 2008, «Кольбельная для мамы», 2010. Представитель газеты «ПИ1» в Латвии.

ФЕВРАЛЬ

Февраль прощальной вьюгой закружил,
И ветер воет песни поминальные.
У февраля ты, верно, одолжил
Кусочки льда в глаза свои печальные.
Не видно солнца из-за тёмных туч
И, как несчастный просит подайние,
Я терпеливо жду весенний луч,
Он мне поможет растопить молчание.
В отчаянье февральская метель
Раскачивает снежные качели.
Сквозь холод и снега придёшь ко мне ль
Иль я приду к тебе под звон капели?

* * *

Не любите меня сегодня
И не шлите любви записок,
Вечер хмурый тоскою-сводней
Мне сейчас невозможно близок.
Не ищите меня, не надо,
Дайте мне отдохнуть немного.
Под прицелом немного взгляда,
Я пощады прошу у Бога.
Как родник, пересохший болью,
Обескровленный прежней страстью,
Забываюсь чужой любовью
И себя вновь делю на части.
Не любите меня, сегодня
Полустанок любви заброшен.
Даже если тоскою-сводней
Снова вместе забыться сможем.

* * *

«Приходи на меня посмотреть...»
А. Ахматова

Приходи на меня посмотреть –
Так Ахматова, помнишь, писала?
Приходи, если хочешь успеть,
Очень близок конец карнавала.
Скоро занавес – грустный итог,
В прах и в пыль превратит эти лица,
Но пока карнавальным чертог
И кривляется, и веселится.
Ярких масок кружит череда,
В вихре танца смешались герои,
Я на этом спектакле одна,
Не по мне карнавальные роли.
Не умея кривляться и петь,
Я давно отошла за кулисы.
Приходи на меня посмотреть,
На печальную душу актрисы.

* * *

Листва, пожухшая в осенней маете,
То рвётся ввысь, то падает под ноги.
Ты в ожиданье, в гулкой немоте
Походкой тихой меряешь пороги.
А осень так щедра на частый дождь,
Грусть нагоняет скорбное унынье.
За пеленой дождя кого-то ждёшь,
И капли время отмеряют ныне.
И отмеряет боль твою печаль
Под шорохи осеннего пиано.
В твоей руке горит любви свеча ль,
Или в окне закат дрожит багряный.

* * *

За тысячи дождей до расставания,
В плену ночей, в безумном наваждении,
Мы превратили судьбы в наказание,
Мы в буднях, словно в зоне отчуждения.
Холодные, упрямые и гордые,
Несёмся прочь, дождями обручённые,
И с высоты летим в потоки горные,
Друг друга не прощая... обречённые.

В ИНЫЕ ВРЕМЕНА

В иные времена надела б схиму
И в монастырь, замаливать грехи.
А нынче что? Подобно пилигриму,
Я в странствиях своих пишу стихи.
Казню себя во всех грехах невинных,
Наказывая сладостно строкой,
И, отрываясь от небес глубинных,
Ищу, не находя, себе покой.
И каюсь, как последняя блудница,
Опустошая жизненный сосуд,
Рождая в рифмах огненной живицей
Прощение своё и самосуд.

ВРЕМЯ КАЯТЬСЯ

Застилает мне глаза пыль дорожная,
Тихо катится слеза, растревоженно.
Сколько пройдено дорог, сердце мается,
Студит думы ветерок. Время каяться...

Мне бы в рай святой войти, да не верила.
Нагрешила я в пути – груз немереный.
В пыль дороги опущусь к Божьей радости
И впервые помолюсь, хоть на старости...

* * *

Как россыпи осеннего букета.
Обрывки слов без темы, ни о чём.
Признания, поклонники, поэты
То с миром в душу лезут, то с мечом.
Поднадоевший хор лystenов слащавых
Наперебой поёт хвалебный гимн,
А мне бы в тот апрель, где Окужава
Дежурил в Пасху с именем твоим.
А мне бы в те цветные акварели,
Где в душу заглянул пытливый взор,
Где голос чистый, словно звук свирели,
Сводил с ума, и я писала вздор.
А в расставанье пройден путь немалый,
Не раз сменила осень свой наряд.
И ты среди чужих - уже бывалый,
А я всё так же в страхе прячу взгляд.
И россыпью весеннего букета
Я вновь пишу признание тебе...
Возможно, не была бы я поэтом,
Не будь тебя тогда в моей судьбе.

Вадим НОВОЖИЛОВ

Поэт, бард, живёт в г. Риге, Латвия. Член союза писателей России, автор четырёх книг стихов и песен. Творчество этого яркого поэта всегда вызывает неподдельный интерес. Поэзия его отличается гражданским накалом, патриотизмом и искренностью. Он известен далеко за пределами России и Латвии.

С ДОБРЫМ УТРОМ, МАМА!

Причины нет словами дорожить,
Но и Господь не выдумал аршина,
Чтоб вымерять и в строки уложить
Твои мечты, печали и морщины.

А я тяну, как лучник тетиву,
Премудрость слов из суеты и хлама
Минувших лет, чтоб мог, пока живу,
Сказать, проснувшись:

– С добрым утром, МАМА!

ПОЭТАМ

Мы Вами маялись, пока
Вы уходили друг за другом
За горизонт, за облака,
За беспредельные срока
Кто, ухмыляясь, кто с испугом.

Вы покидали города,
В которых Вы за нас рыдали,
За нас сгорали от стыда...
Вы вечно лезли не туда,
Точней, туда, где Вас не ждали.

Вы уходили. Мы вослед
Ворчали зло и по-старушки,
Но через много, много лет,
От «райских куш» до наших бед,
Вы нам протягивали души.
И мы тогда внимали Вам,

Но и в минуты просветленья
По нашим крохотным умам,
Изношенным, испытан в хлам,
Бродили тучные сомненья.

Привычны гнать и спины гнуть
Мы только в траура сокрестье,
Спровадив Вас в последний путь,
Вогнав во гроб, стучали в грудь:
«Убит поэт, невольник чести!».

И, до поры осиротев,
Попрятав батоги и плети,
Мы сокрушённо в суете
Вздыхали: «Вот ведь, были «ТЕ»...
Не то, что нынешние «ЭТИ».

И так, под погребальный звон,
Мы спотыкаемся о плахи
И к убиенным на поклон
Торопимся, и испокон
Возносим гениев во прахе.

ЭТО НАМИ БОЛЬНАЯ РОССИЯ

На сто вёрст лишь тайга да болота вокруг.
Мелкий дождь, как сквозь сито, просеян.
Журавлиные стаи стремятся на Юг.
Ну а нас, нас увозят на Север.

В перестуке колёс, отрешённости лиц
Растворяется прошлое наше,
И, прощаясь, крылом окольцованных птиц
Нам свобода отчаянно машет.

Мы познали Россию не в кудрях берёз,
Не в просторах бескрайних и дальних,
Её благовест - эхо до сердца донёс
Стонов и перезвонов кандалных.

Что ж ты, Русь, заморозила вольность свою
На далёких сибирских этапах,
Даже птицы свободу уносят на Юг,
Цепко сжав в окольцованных лапах.

Не случайно России приписана грусть,
Не случайна покорность народа.
Настороженно смотрит острожная Русь
На парящую в небе свободу.

Нет, не птицы летят, заунывно крича,
Не этапы бредут обессилев.
Это наша тоска, это наша печаль,
Это нами больная Россия.

ДВА АНГЕЛА

На облаке небесного кормила,
Когда Господь с судьбой меня венчал,
Мой белый ангел прошептал: «Людмила»,
Мой чёрный ангел мило промолчал,

И, распахнув заоблачные двери,
Я окунулся в звёздный изумруд
И полетел. Я ангелу поверил.
Как не поверить – ангелы не лгут.

Вдруг белый ангел изумлённо замер,
Затем крылом на землю указал;
И мы с тобою встретились глазами,
И ангел мой уснул в твоих глазах.

Спит белый ангел. Чёрный кружит рядом.
То всхлипнет, то слезинку обронит.
Не бойся. Не гони его, не надо -
Мой чёрный ангел белого хранит.

Сергей СМЕРНОВ

Родился в Вильнюсе в 1954 году. Живет в Литве. Служил в Военно-морском флоте, работал на предприятиях Вильнюса. Член МАПП (Международная Ассоциация писателей и публицистов), лауреат поэтических конкурсов и фестивалей русской авторской песни Литвы. Печатался в альманахах «Вильнюс», «Планета поэтов», «Академия поэзии», журнале «Настоящее время», газете «Российский писатель» и др.

* * *

Черня рукав разбитым носом,
кроша клыки о сталь тенет,
я вылез, выполз – и принес вам
плохую новость: смерти нет.

Есть ток Реки. Ее водица
сочится тихо сквозь песок,
сквозь корни, кости – к той кринице,
откуда свой берет исток.

* * *

Ненастьем изувеченный клочок –
обметанный морозом лист осины,
бесформенный, пятнистый, некрасивый –
зачем ты мне спустился на плечо?

Не будет здесь спасенья и тепла.
Тщета и твой полет, и одержимость.
Какая, чтоб ты знал, рука ложилась
сюда – и та согреться не смогла!

Какая, чтоб ты видел, голова
сюда, роняя локоны, клонилась!
Пребудь бы с ней и Божеская милость –
и то спастись сумела бы едва.

Лети, клочок, обиды не тая.
Не быть ничьим спасителем уже мне.
Твори свое прощальное круженье
безропотно, как я свое, как я.

* * *

Ложь ранит, правда убивает.
Житейская мудрость.

У правды жесткие глаза –
в них серый сумрак стали.
У лжи глаза – как бирюза,
как сказочные дали!
И хоть вожжами их секи,
чтоб к коже прилипало –
в те дали глянут дураки,
и все – пиши, пропало.

Глядел и я – не оторвешь,
аж челюсть нараспашку!
А ложь поглаживала нож
под шелковой рубашкой.
И вдруг, умильная с лица,
мне чиркнула по горлу –
я лишь проблеял, как овца,
негромко и покорно.

Вранье, что правду под Луной
искать и звать напрасно!
Как рок склонился надо мной
прищур ее бесстрастный.
- Спаси! – я выдохнул едва,
она кивнула кротко
и, вынув нож из рукава,
дорезала мне глотку.

ЗЕРКАЛО

Покуда транжирили первую треть –
как в зеркало было приятно смотреть!
Там что-то такое сверкало,
что сердце и душу ласкало...

За первой вторую растратили треть.
Склонились однажды стекло протереть –
и поняли: стылая осень
приходит, когда и не просят...

Но вот издержали наличность дотла,
и темную бездну за глянцем стекла
старушки, что жизнью учены,
прикрыли опасно черным.

* * *

Красивая старуха – это редкость,
как фрак на пляже,
как в притоне светскость.
Вот я гляжу тайком в ее лицо:
с него бы можно лик писать для храма,
когда б не губ зияющая рана,
когда б не прядь, завитая в кольцо
над выщипанной бровью, не рубины
в больших ушах, как ягоды рябины,
не розового цвета седина...
Вот встретилась, сподобили же черти,
и злая мысль о старости и смерти
стократ невыносима и страшна!

* * *

Любитель драм Господь создал земной раёк
Для бесконечной пьесы «Каждому своё» –
Фатальной, злой, во исполнение которой
На сцене жизнь кладут бесчетные актеры.

Я тоже занят в эпизодике без слов:
В нем голова моя в числе других голов
Должна скатиться к самой рампе и, содея,
Кровавым ртом пустить пузырь покрасивее.

ТОН «Ключ» г. Херсон, Украина

«КЛЮЧ» К ЮЖНОМУ ГОРОДУ

Как-то раз в южном городе Херсоне встретились инженер (он же художник и поэт), химик-технолог (он же фотограф) и музыкант (он же... да нет, он и есть музыкант)... Юрий Топунов, Николай Кошелюк и Олег Ивченко, придумавшие в 1989 г. «Творческое Объединение Независимых Ключ». Они не подозревали, что двадцатилетие спустя их детище будет видным явлением в культурной жизни города, а его участники будут жить не только на Украине, но и в Австралии, Германии, России, Англии.

«ТОН Ключ» объединяет творческих людей самых разных направлений: поэтов, художников, музыкантов, актёров. Такое «творческое содружество» обогащает не только его участников, но и постоянно растущую аудиторию. С 1992 г. «Ключ» регулярно проводит «встречи во вторичной реальности», где чтение литературных текстов, видео и звуковой ряд являют собою одно целое. Благодаря многоплановости и яркости, «Встречи» постоянно собирали полный зал херсонского планетария, а позже – и залы центральных библиотек города. Тогда же голоса поэтов и исполнителей «Ключа» зазвучали по радио...

Объединение выпустило ряд сборников поэзии и прозы, и в 2010 г. «крестный отец» объединения Ю. Топунов получил благодарственные письма из двух старейших библиотек Европы, Лондонской и Бодлианской, за издание сборника поэзии Н. Крофтс «Осколки».

А тем временем художник общества Ирина Лирхаймер, живущая в Германии, объединила поэтов и фотохудожников «Ключа» с их немецкими собратьями в проекте «12 граней любви». Произведения херсонских поэтов были переведены на немецкий язык и проиллюстрированы немецкими художниками, а стихи немецких поэтов зазвучали в русском переводе и обрели новую жизнь в работах художников-«Ключёвцев».

О событиях культурной жизни «Ключа» можно рассказывать долго. Подтверждением тому – более 20 насыщенных страниц «Лощи», иллюстрированной летописи на сайте объединения (<http://www.artkavun.kherson.ua/ton-klyuch.htm>). Там же размещены и авторские страницы большинства участников этого необычного, но крепкого содружества.

Наталья КРОФТС

КОРМАЛЛЕНСКОЕ ПОЛЕ

Холодный ветер траурных рассветов
Смывает темноту с усталых стен.
И в небе тучи огненного цвета –
Знамение великих перемен.

Ну, вот и всё. Так страшно, так багрово
Пылает кровь. В твоих глазах – печаль:
«Ведь будет день...» – но замирает слово.
Да, может быть, но только – для тебя ль?

Да, будет день – нежданный час победы...
Придёт покой... И ты, в конце концов,
Встречать закаты будешь и рассветы,
Навечно к небу обратив лицо.

Наталья КРОФТС

Родилась в Херсоне, закончила МГУ им. Ломоносова (Россия) и Оксфордский университет (Англия) по специальности филолог-классик. Поэт, переводчик, автор книг «На маскараде душ» и «Осколки», автор журнальных публикаций («Юность», «Слово/Word», «Австралийская мозаика», etc.). Сейчас живёт в Австралии.

Вот я уйду. Вот двери отскрипят.
Вот кошка отпоеет по мне молитву
И замолчит. И тенью на калитку
Тихонько ляжет мой последний взгляд.

ПЕРЕПЛЕТЕНИЕ МИРОВ

...А между тем, всюду ревел прибой
И выносил песчинку за песчинкой
На побережье. Воздух был с горчинкой
От соли океанской – и от той,
Что выступала на горячей коже
В той комнате, в пыли, у нас с тобой...

А между тем, вверху, на потолке,
Два существа сплелись в кровавой драме:
Металась муха в крохотном силке;
Нетерпеливо поводила ногами,
Паук ждал ужин в тёмном уголке
И к жирной мухе подходил кругами...

А между тем, в романах, на столе,
Кого-то резво догонял Фандорин,
С соседом вновь Иван Иванович вздорил,
И рдел, как кровь, гранатовый браслет...

А между тем, извечная река
Текла сквозь наши сомкнутые руки,
Через любовь и смерть, погони, муки,
Сквозь океан, шумевший здесь века, –
И паутинки блеск у потолка.
А между тем...

Кого боги хотят погубить,
того они лишают разума...
Софокл

Боги неразумных поразят...
...В телефон я глупости шепчу.
Ум твердит: «Оставь его. Нельзя».
Сердце властно требует: «Хочу».

Через стык континентальных плит
Я за сотни вёрст к тебе лечу.
Сквозь «нельзя», которое болит,
К одному желанному «хочу».

И сомкнувшись так, что не разнять,
Не унять, и не остановить,
Не понять запретов, не принять –
Пьём одно кипучее «любить».

...Но уводит прочь моя стезя
От тебя. Ты куришь. Я молчу.
Глотку жмёт суровое «нельзя»
Веру потерявшему «хочу».

Всё. Рука пуста. Реванш не взят.
По закону чести я плачу:
Падаю на остриё «нельзя»
С выси недоступного «хочу».

Ты оставил рубаху.

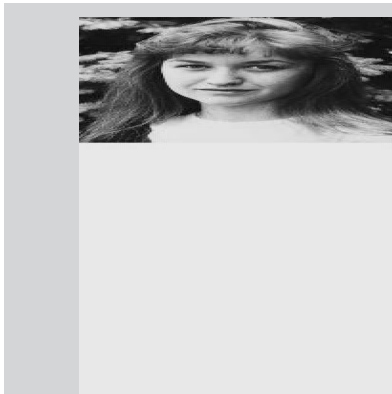
Наверно, чтоб было теплей
Мне в морозную ночь
(Этот город прохожих не греет).

Ты налей мне. Да нет –
Просто чаю покрепче налей.
И рассвет
Мне неловко крадётся в зрачки –
И алеет.

Повезёт? Повезёт.

До меня дотянуться легко.
Присылаешь в подарок пакет –
По мобильным частотам.
Далеко? Да плевать.

И пускай далеко-далеко...
...и со злостью рассвет
бьёт палящим мячом по воротам.

Светлана УМАНСКАЯ

Родилась в Крыму, живёт в Херсоне.
По специальности – юрист. Избранная лирика была опубликована в журнале «Летопись Причерноморья».

Кружево листьев, дыханье фонтанов,
Воздух прозрачный,
прохладный, пьянящий;
Сердце уснуло, сердце устало
Бегать за всё ускользящим счастьем.

Счастьем желанным, счастьем обманным,
Счастьем таким мимолетным,
непрочным;
Ну, почему прорицанья туманны,
Ну, отчего предсказания неточны.

В этом гибельном пространстве
Нескончаемой вселенной
Нет константы постоянства –
Всё изменчиво мгновенно.

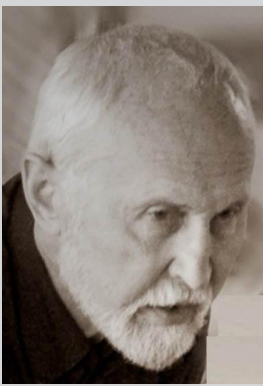
Но, увы, признать печально,
Что в движении безмерном,
Наше счастье изначально
Было слишком эфемерным.

Я – тайна, я – тайна, я женщина,
Издревле я таинством венчана,
Всегда быть звездой манищею
И жаждою вашей палящей,
Водою живительной, радостной,
Отравой и горькой, и сладостной,
То – снегом, то – белым цветением,
То – светом вам быть, то – затмением,
То – суженою, то – случайною,
Всегда неразгаданной тайною...

Бродит осень по аллеям парка,
Листьями опавшими шуруша,
Снова птицы, изучая карту,
Потянулись к югу не спеша.

Солнце улыбается устало,
Небо вдруг нахмурится порой,
И, глядишь, дождинки серой сталью
Сшили небо с грешною землей.

Все вокруг изнеженно-уныло,
Светлой грустью все напоено.
Если бы на сердце так же было,
Верно, не болело бы оно.

Юрий ТОПУНОВ

Родился в 1948 г., живёт в Херсоне. Поэт, прозаик, бард, художник, один из основателей «ТОН Ключа» и его бесценный куратор. Режиссёр большинства постановок объединения, автор сборников прозы, поэзии, поэтических переводов с немецкого. Главный редактор книг, изданных «ТОН Ключом».

Из «ВОЗВРАЩЕНИЯ В МОЙ ГОРОД»

Я вернулся в этот Город,
полный зелени и солнца.
На облупленных фасадах
там скопилась пыль веков.
И в забытых переулках
искривленные оконца
щурят взоры на прохожих
с любопытством стариков.

НАШ БТР

«Наш паровоз вперед лети»

Наш БТР вперед летел
Без звезд, без номеров, без знаков,
Он был с пустыней одинаков,
Мотор натужно что-то пел.

А сзади дым и боя гром
Мы оставляли за собою,
И путеводною звездой
Был впереди аэродром.

Не испарялся горький пот,
Текущий из-под пыльных касок,
И из-под сдвинутых повязок.
Еще был перекошен рот.

Дух сигаретный приглушал
Чуть сладковатый запах крови,
Текущей из разбитой брови
На ствол горячий «калаша».

Летел наш БТР сквозь тьму,
Не зажигая даже фары,
Нас унося от Божьей кары
За эту горькую войну.

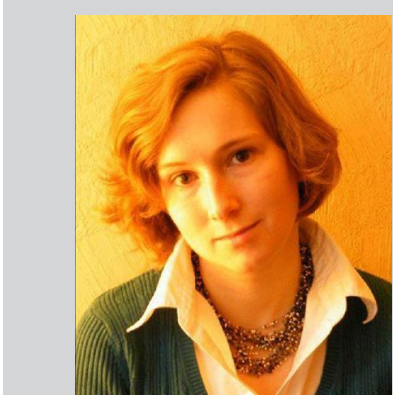
ОСЕННЯЯ ЗАРИСОВКА

Между деревьев дремлет Город,
Который так безумно молод,
Что по сравнению с ним – старик –
Шагаю, шлепая по лужам,

Слеза в глазах – слегка простужен,
Над головой вороний крик.

А небо в окнах покусочно
Разделено, и очень точно
Отмерен каждому паёк.
И тротуар мерцает сталью
В просветах листьев желтой шали,
И лужи ластятся у ног.

Блуждает в переулках ветер,
Обрывки туч на веток вертел
Надевши за клочком клочок,
А с ними рядом, хохлясь зябко,
Сидят пушистые малюшки,
Воробушки, к бочку бочок.

Лидия ИВЧЕНКО

Родилась в Херсоне, училась в Харькове, живет в Киеве, по специальности – программист. Поэт, переводчик.

СНЫ ОБ ОСЕНИ

Ворочаться молча, смотреть во сне
Кино про то, что не быть весне,
Про то, что таких, как мы, дорогой,
Не вынес никто другой.

Саперской лопаткой копать судьбу,
В который раз получать по лбу.
Набить бы лицо, но не носит лица
То, Чему Нет Конца.

Зато умеет творить, дарить
За просто так золотую нить
Осенних дней. и счастливых снов.
И жалких конечных слов.

«РАСПНИ!»

Вновь и вновь умывают руки,
Нехотя и с тоскою.
И опять выражение муки...
Ожиданье покоя...

И опять не находят силы,
Мужества для свершений.
«Грешен, Господи, мя помилуй...»
Жертвы своих решений.

И они уже не привыкнув,
Вечно – они в ответе...
Но всегда будет тот, кто крикнет:
«Мы! Мы и наши дети!...»

ТОН «Ключ» г. Херсон, Украина

Сергей ЗУБАРЕВ

Родился и живёт в Херсоне. Коммерческую деятельность успешно совмещает с общественной; ведёт литературный кружок при Детской областной библиотеке г. Херсона. Автор поэтического сборника «Провинция».

Мир обмельчал до пустоты,
А я причастен к немолчанью.
И в этом море немоты
Стук сердца – метроном звучанья.
И в этой полной темноте
Я – как упавший Божий волос.
На чистом, скомканном листе
Ищу себя, иду на голос.

ОЖИДАНИЕ

А за окном – то синь, то облака.
На потолке танцует тень плафона.
Невыносима жизнь, но лишь пока
Терзаешься молчаньем телефона.

Но вдруг звонок – там ясный голос твой,
И неожиданная радость и отвага.
Перевернулся мир над головой,
Как белый кролик в чёрной шляпе мага.

* * *

Наконец-то воздух чистый.
Только ветрено-колюч.
Небо, словно из батиста,
В сердце веселящий ключ.

Так безоблачно-игристо
Танго марта и апреля.
И звучит, звенит монисто
Звонкой песней менестреля.

* * *

Сижу в херсонском переулке,
Смотрю на небо – каждый штрих
Мне в сердце отдаётся гулко
И падает в уютный стих.

Как сыр, изъедены карнизы
Зубами времени, и в них
Мышей летучих строй нанизан,
И давит солнце за двоих.

Дверей рассохшиеся створки,
А рядом будто бы сидит
С начала века пьяный дворник
(похмельной аурой разит).

С утра бежит дорожка пыли,
Как окончание кино.
И кто нам скажет, что мы – были,
Когда нас нет уже давно.

Бернхард ЛИРХАЙМЕР
(Bernhard LIERHEIMER)

Немецкий поэт, родился в 1963 году в г. Криглингене (Германия). Соавтор проекта «12 граней любви». В 2008 году «ТОН Ключ» выпустил книгу его стихов «Иногда я вижу звезды» в двуязычном варианте. Литературный перевод выполнен Ириной Лирхаймер и Юрием Топуновым. Бернхард неоднократно выступал перед херсонской публикой.

Любовь – глупа

Любовь – глупа!
Как семя, падает она в землю,
Не спрашивая, зачем и почему.
Она прямолинейна
И похожа на дерево,
Сбросившее все листья
На фоне неба,
Которого давно уже нет.
Без следов на снегу
Я не здесь, я на луне,
Но небес не нужно мне.
Искалечил ход времен
И нарушил их закон.
Время рвется сквозь пургу,
Скрывши след свой на снегу.

Мария РУБЕ

Родилась и живёт в г. Санкт-Петербурге, но 16 лет её жизни прошли в Херсоне. Поэт, прозаик, фотохудожник.

ПРУЖИНА

Когда стреляет время точно в спину –
Прочь рвётся истеричная кукушка,
Ломает свою душную ловушку,
Чтоб разорвать прочнейшую пружину,
Так нежно привязавшую к часам.

Свои мольбы и клятвы к небесам
Бедняга-птица тщетно обращает:
У каждого свой путь – она не знает...

И мечется кукушка ежечасно,
Пытаясь изменить, что неподвластно.

ИЗ ГОЛОВЫ

Я клянусь –
Больше ни слова «люблю»! Ни полслова!
Нитью пульс
На запястьях – напряжён. Будто сломан:
Несимметричный
И неритмичный...
Но молчать!
Выдыхать
В слуховых лабиринтов петлю
Не должна я – ни слова «люблю»!

Я клянусь!
Захлебнусь –
Но ни слова, ни вздоха, ни мысли!
Пусть меня разорвут на сто с лишним
Миллиардов осколков стекла –
Неозвученные те слова!

И не спрашивай, почему!

Просто... Знаешь... Я – правда – люблю...

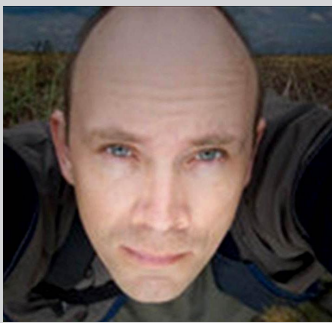
БОКАЛ

Ты был так занят! Даже не заметил,
Что профиль мой бледней и тоньше стал –
Как будто отпечатком трёх столетий
Меня клеймили демоны зеркал.

Ты был так весел! Громко так смеялся,
Так разговором был ты увлечён!
Как будто мир вокруг тебя вращался!
И мне казалось, ты уже влюблён

В другую – что твои слова ловила
(Так рыба жадно дёргает крючок).
Я улыбаться находила силы,
Сжимая ревность крепко в кулачок.

Ты был так занят! Даже не заметил,
Что профиль мой бледней и тоньше стал.
И вы смеялись, как смеются дети,
Не слыша, как разбился мой бокал.

Вячеслав САВЕЛЬЕВ

Родился в 1967 году в Ленинградской области. После окончания Гидрометинститута переехал в Херсон. Поэт, художник, фотограф, член Национального Союза Фотохудожников Украины.

Сегодня я каменный гость
У этой слепой статуэтки,
Слепую игральную кость
Я брошу в объятья рулетки.
И губ откровенных твоих
Разверзнется доменный ад,
И в пламени жарком на них
Сгорит оловянный солдат.

Тверь

Анна СУРГУР

Окончила Тверскую гимназию № 44, затем исторический факультет ТвГУ. Кандидат философских наук, сфера интересов – Серебряный век и русская литература XX века, история, философия и многие другие области знаний. Публиковалась в различных изданиях Твери, Москвы и Петербурга. Дипломант VI Межвузовского литературного форума имени Н.С. Гумилева «Осиянное слово» (2009), лауреат Первого открытого тверского литературного конкурса-марафона молодых авторов «Пишу в Твери...» (2010), дипломант I Международного поэтического фестиваля-конкурса «Уникальный автор» (2010), победитель поэтического конкурса «Стихоборье-2010» в номинации «Мечты Алексея Прасолова». Член литературной студии «Голоса» (ТГМА, Тверь) и Содружества Голодных поэтов (Санкт-Петербург).

«Я о земном заплачу и в Раю...
Но не для встреч проснемся мы...»

М. Цветаева

Этот снег украл ощущение зимы,
Этот дождь запутал и свел с ума.
И пылает чучело Костромы,
Только кажется – я горю сама.
Нет, не масляный на небо вьется блин,
Настает и коту великий пост.
Пахнет воском сотовым парафин,
Погостить пойду на родной погост.
Укатали горки, да прямо в Рай,
Только в том Раю и теперь зима.
Там калач – сухарь, и дворец – сарай,
Там в гробу покоится смерть сама.
Не для плача, горя и новых слез,
Не для встреч, прощаний, не для словца
Мы проснемся завтра. Но день промерз,
Ни начала нет ему, ни конца.
С этажа четвертого прямо в Ад,
И ступеньки привычные в темноте.
Есть дорога вверх, но не путь назад.
Закипает чайник... Вернусь к плите...

* * *

«Август – сад!»
Наталья Хаткина

Август – сон. Убаюкан дождем
Марципановый тающий сад.
Словно феникс, весной возрожден
Карамельный изящный наряд.
От цветов в первозданной ночи
До тяжелых плодов два шага.
Даже дерево не отличит:
Там, где был абрикос – курага.
Август – сон или спелая смерть?!
Миллионы ударов глухих.
Звезды-опадь собрать не успеть,
Ни компот не сварить, ни стихи.
Август – вера и Яблочный Спас,
На печали настояны дни.
Август – это Вчера и Сейчас.
Август – сон... Но, смотри, не усни.

* * *

Многооконье каменного Ада
Мы называем городом, в котором
Король-то есть, но непременно голый,
И дерево полунамеком сада
Становится, не вписываясь в четкость,
В анатомичность этого пространства.
Мы – дети века перегонных станций –
Картонные мальчишки и девчонки.
Мы пишем тексты, не стихотворенья,
Мы не поем, устраиваем батлы.
Ни перед кем, ни в чем не виноваты
Апостолы стандартной точки зрения.
Кормились, заблуждались, вырастали,
Но заблужденье выросло из блуда.
На счастье, мы теперь не бьем посуду:
Не бьется пластик. Не сносит сандалий,
Что нам на ноги новый век напялил.
Мы – выродки. От слова вырождение.
Покрыты мы не кожей, а эмалью.
Создатель наш – обыкновенный гений.
И многодверность каменного Рая,
Многозамковость и недооткрытость,
Старухой у разбитого корыта
Встречает золотых пирианий стаю!

ПУШКИНОГОРЬЕ 1945 ГОДА

Памяти С.С. Гейченко

Всё разрушено и сожжено,
Перемазаны кровью закаты.
Солнце медью упало на дно
Алюминьевой кружки солдата.
Обгорелых деревьев штыки
Протыкают усталое небо.
Заржавелой водой родники
Стонут, шепчут, горюют. Победа?!
Тень поэта скользит над рекой.
Не заплачет. Не может? Не может...
«Со святыми, Господь, упокой!...» –
Ветер ноет. Мурашки по коже...
Дом погиб. Отражает вода
Лишь фундамент. Душа без прописки.
Алой каплей скатилась звезда
На фанерную грудь обелиска.

* * *

Звезды с неба качнулись и,
астрами клумбы отметив,
Обреченно остались последним
пожаром гореть.

Август, сон, звездопад.
Звезды августа – малые дети –
К октябрю созревают
и астрами движутся в смерть.

А осенним цветам суждено быть
оплотом разлуки,
Ведь, когда провожают,
то смерть закругляет углы,

Но от самых крестин человека
берет на поруки
Своевольница жизнь.

А потом, что оклад, что калым...
От осенних цветов веет радостью,
ладаном, тленьем,
Запредельного мира порог выстилают они.
Мир восстанет из пепла.

Листвы медно-ржавой горенье,
Словно феникс печальный,
сожженный во славу любви.
Издавается осень, бросает монеты под ноги,
Желтоглазой листве вслед
за птицами не улететь.

Где-то есть города,
где живут синеглазые боги,
Где-то есть острова,
где волшебна и радостна смерть.

* * *

Серая мгла Невы.
Львы борздят туман.
Город со мной на вы.
Город немного пьян.
Он поднимать устал
Флаги над головой.
Четкий изгиб моста
Тянется над Невой.
Город совсем забыл
Летних ночей тепло.
Каменные столбы,
Ангелово крыло.
Не протрубил пока
Он последнего дня,
Город держа в руках,
Благословлял меня.

* * *

О Пушкине, об осени, мой друг,
не говори, а помолчи стихами.
Прильнула муха к деревянной раме,
а рифмы перелетные на юг
устало потянулись. Журавлиный
безбрежный клич царит над тишиной,
а люди возвращаются домой
есть знойный мед

и чай смешать с малиной...
О бескорыстных добрых душах дров
порассуждай у говорливой печки.
Их жизнь – твое тепло, и крыть тут нечем,
но в треске ты не разбираешь слов.
И бархатцев горчащий аромат
в предзвездье станет ароматом смерти.
Их скорбной красоте, прошу, не верьте,
дождь жемчугом осыпал их наряд
в последний раз. Покой и тишина,
несказанные губы прячут слово.
Осеннее замерзшее Берново.
Осенняя замерзшая страна.

* * *

Сегодня плачу только потому,
Что вновь тебя запутали дороги.
Твоя тревога сердцу, не уму
Раскрылась в ночь семанкой недотроги,
Сухим щелчком. Уснувший зодиак
Уже и сам не верит предсказаниям...
Сегодня дождь и я, да будет так,
Твой путь омоем сладкими слезами...
Ни тени горечи, лишь сахар и ваниль,
Я их добавлю в терпкий капучино.
Прогулка кончилась, ты сел в автомобиль,
Набрать мой номер не нашел причины.
Звонят другие. Пусть твои черты
Березовым дождем размочет осень.
Чтоб в дом чужой успеть до темноты,
Вдарь по газам, уже пробило восемь!..

Гость номера

Современный интеллигент в глухой провинции – явление не уникальное. Именно провинциальный интеллигент наиболее близок к жизни простого народа. И поэтому его деятельность не ограничивается только выполнением своих профессиональных обязанностей. Интеллигентность в провинции является примером социального поведения, культуры и нравственности устоев...

Пример тому – гостя сегодняшнего номера газеты «Интеллигент» г. Санкт-Петербург – специальный корреспондент карельской газеты «Новая Ладога» Наталья Ахонен.

- Наташа, мне известно, что Вы родились в городе Зеленогорске Ленинградской области, и Ваше раннее детство прошло на берегу Финского залива. Мне когда-то посчастливилось по весне отдыхать в Зеленогорске. Остались прекрасные воспоминания о тех чудных местах. До сих пор вспоминаю острый запах свежей пахучей листвы, горький запах черемухи, соловьиные трели и гладь Финского залива. Помнится, в мае месяце рискнула даже искупаться, повергнув закутанных в одеяла отдыхающих на пляже – в шоковое состояние. Наташа, а что Вы можете рассказать о своем раннем детстве? Чем оно Вам запомнилось?

- Да, Дина, я родом из курортного городка Зеленогорска. Раннее детство я отчетливо помню – помню, какими тогда были улочки этого города – почему-то всегда солнечными и летними! Помню замечательный парк, ведущий к Финскому заливу. И огромный пляж с чистым мелким песком. Помню подвешенные на цепочках под навесами скамейки, покачиваясь на которых можно было наблюдать за закатом по вечерам или за штормом в непогоду. Конечно, меньше всего мне приходили тогда в голову мысли о штормах или закатах, красивые воспоминания сохранились благодаря силе впечатлений. Уже чего-чего, а впечатлительности мне было не занимать!

- Наташа, расскажите, как Вы оказались в республике Карелия?

- В Карелию, в маленький город с названием Питкяранта, что в переводе с финского языка означает «Длинный берег», мама увезла меня, когда мне исполнилось три года. Поселились мы тогда у маминой матери – моей бабушки, коренной петербурженки. Во время блокады Ленинграда она была эвакуирована в Карелию с двумя дочками по Дороге жизни. Спустя многие годы тема блокады займет важное место в моем творчестве. Но тогда, в конце 60-х, я просто оказалась перемещенной с берега Финского залива на берег Ладоги. Причем, буквально на берег. Градообразующим предприятием Питкяранты является целлюлозно-бумажный завод, который располагается на острове под названием Пусунсаари. В те далекие годы заводскому начальству и рабочим предоставлялось жилье на том же острове. Для многих детей, выросших в том чудесном месте (запах от завода не считается!), оно навсегда осталось волшебным. В любой момент можно было пройти мимо высоких скал, заросших черничником, и очутиться на берегу огромного «моря». Надо ли говорить, что могучая красота севера впитывалась в меня вместе с воздухом, с дождевыми каплями, с новорожденными одуванчиками каждой весной и ароматом земляники каждым летом? А Ладогу я до сих пор иначе как «море» и назвать не могу. Не причаститься после этого к поэзии, мне кажется, было просто невозможно!

- Прекрасно понимаю Вас, Наташа. Оказывается, мы с Вами – землячки. Моя малая родина находится именно в Питкярантском районе, на берегу живописного Ладожского озера. Воспоминания о раннем детстве тоже самые яркие и светлые. Окружающий лес всегда был приветлив, поля манили ароматами разнотравья, в малюсенькой речке водилась рыба, и замшелые скалы в то время казались огромными и неприступными. Наташа, в какое время у Вас проявилась тяга к творчеству?

- Дина, Вы наверно не поверите, но «писателем» я стала тоже в свои знаменательные три года! Шучу, конечно, но тому есть фактическое подтверждение – древняя первомай-

ская открытка с моими поздравительными каракулями «маме и бабе». Читать я научилась вслед за этим великим событием, и с годами чтение превратилось в непреходящую страсть. А впервые поделилась собственными мыслями о жизни, конечно, с личным дневником, который, как и у большинства девочек-школьниц, надолго стал моим верным другом.

- Да... (улыбаюсь), Ведение дневника знакомо и мне. Наташа, расскажите, пожалуйста, когда и как у Вас «родились» первые стихотворные строки?

- Первая рифма выскочила неожиданно для меня самой. Проводили, помню, какой-то литературный вечер в местном ДК, одним из конкурсов было буриме. Слова – классические: кровь и... гитара. И вдруг я, не успев, как следует подумать, выдаю текст:

«В крови священной песня захлебнулась,
гитара замолчала, поперхнулась...
И, с болью вызвенев последние слова,
с прощальным криком лопнула струна».

Когда это мое четверостишие прочли в микрофон со сцены перед онемевшим залом, со мной случился шок – от огласки. Второй приступ – от осознания публичной слав: я победила.

Мой испуг, видимо, сильно повлиял, как говорят, на «карму» – ведь столько лет после этого я чего только не пишу, но признание сильно запаздывает! Это чтобы меня не шокировать, наверное. Смеюсь, опять же, но, честно говоря, с годами труднее смириться, что плоды твоих стараний, мягко говоря, остаются невостребованными.

И, возвращаясь к судьбоносному буриме – те мои строки посвящались замечательному певцу Дину Риду, творчеством которого я восхищаюсь со сей день, а тогда я очень тяжело переживала его гибель.

- Прекрасно понимаю Вас, Наташа... Неодолимая тяга к стихам – это настрой души автора: тонкий, эмоциональный и одновременно сильный. Именно в душе просыпается то чувство, удержать которое в себе невозможно. Одни люди выражают эту потребность словом, другие – музыкой, третьи – живописью и т.д. Наташа, скажите, пожалуйста, как Ваше увлечение стихами перешло к прозе? Кто подействовал на это?

- К увлечению прозой, той, что не «девчачья», я перешла гораздо позже, уже будучи корреспондентом районной газеты «Новая Ладога». Совет попробовать себя как прозаик дал мне Е. Евтушенко после своего визита к нам в Питкяранту. Наверно, в то время не все было гладко с моими стихами, т.к. Евгений Александрович между делом поставил на них крест. Но, видимо, что-то в моем письме его все же зацепило, иначе Е. Евтушенко не стал бы вообще ничего советовать. Я, как и полагаются, пару недель сильно страдала, невыразимо обижалась. А потом взбрыкнула и сказала себе – я все равно буду писать! И стихи – все лучше и лучше! И прозу, раз уж ее и без моих стараний оценили!

Такая вот упорность мне часто помогает и в неожиданно свалившейся на меня журналистской деятельности. Ведь я не профессионал, и большинство лучших моих публикаций – это результат вдохновения, огромного желания написать тот материал, который обязательно затронет душу читателя. И, конечно, чувство ответственности перед редакторами, на свой страх и риск пригласивших в штат редакции газеты со славной 70-летней историей энтузиасту без специального образования.

- О чем Вы пишете, Наташа? Какое чувство Вы затрагиваете в своих работах? Кто герои Ваших очерков и рассказов?

- Дина, Вы, конечно, знаете, что на литературных интернет-сайтах в колонке, где тебе предлагают выбрать жанр для твоего произведения, есть графа – «просто о жизни»? Вот и я – пишу просто о непростой жизни, о людях, которые меня окружают, об их отношениях и чувствах. Но, прежде всего – о любви. К Богу, друг к другу, к своим – горячо любимым и бесконечно дорогим, а также чужим детям и к карельской природе. Ценю добротный юмор и бережное отношение к Слову.

Особое место в моем сердце принадлежит старикам – тем, что живут или жили в Карелии, и бывшим блокадниками Ленинграда. Трепетное чувство к ним передалось мне на каком-то генетическом уровне. Редакцией газеты «Новая Ладога» был издан сборник «Неистовая вера в жизнь», в создании которого я принимала непосредственное участие. Это рассказы – воспоминания людей, выживших во время блокады, которые я записывала в течение двух лет, пропуская через собственное сердце...

- Наташа, в мартовском номере «Интеллигент» - СПб опубликован Ваш потрясающий рассказ «Чешуйки серебристого сига». Я знаю, что Ваше произведение еще раньше произвело настоящий

фурор среди читателей. Пожилые люди звонили в редакцию газеты «Новая Ладога», где он впервые был опубликован, писали восторженные письма. Можно ли узнать об этом от Вас поподробнее...

- История моих «Чешуек...» очень грустная. Прежде чем она воплотилась в рассказ, я вынашивала в себе чувства целый год. Если бы мне удалось когда-нибудь издать свою книгу, я бы обязательно отметила в начале, что все мои герои – не вымышленные, и события – реальные. У меня не слишком буйная фантазия, но я вижу, что происходит с моими слушателями, когда я начинаю повествовать. Герои рассказа «Чешуйки серебристого сига» – собирательные образы. Я была свидетелем жизни нескольких карельских семей. Наблюдала за укладом их быта, скупыми проявлениями глубоко спрятанных искренних чувств. Пришлось стать свидетелем и ухода из жизни некоторых из них... Любовь и боль так переполняли меня, что необходимо стало или преобразовать эти чувства в строки, или...

В общем, после публикации «Чешуек» на страницах «Новой Ладоги», которая кроме рабочего места является для меня еще и стартовой площадкой, весь Питкярантский район плакал. Кто-то надоумил меня разместить рассказ на сайте «Проза.ру». И пришло время рыдать мне – от прочтения лавины отзывов. Чуть позже рассказ опубликовали в Сортавальском альманахе «Сердоболь» и пригласили меня, как автора, на мою первую и единственную в жизни презентацию. Затем мои «Чешуйки» перевели на финский язык, опубликовали в журнале «Carelia», транслировали по Карельскому радио. А потом его опубликовали в мартовском издании газеты «Интеллигент»-СПб.

- Наташа, я знаю, что в конкурсе «Размышления о природе», проведенном на сайте «ПИ 1», Ваш рассказ в жанре «проза» занял первое место. Имеются у Вас еще какие-нибудь награды или достижения?

- Я не знаю, насколько серьезно можно относиться к нескольким дипломам и грамотам, почти случайно нашедшим меня в глухой провинции. Скорее всего, к достижениям можно отнести приглашения к публикациям, в том числе, в изданиях: «Интеллигент»-СПб и «ПИ 1». Звание члена Союза писателей, присвоенное на ЧХА, я думаю, тоже не каждому присваивается...

Ну, а лучшей наградой для меня являются отзывы читателей. В том числе и настоящих литераторов, которые указывают на мои ошибки, направляют, иначе мне и учиться не у кого было бы.

- А чем отличается материал специального корреспондента от личных работ поэта и прозаика?

- Материал, подготовленный корреспондентом, – это голые факты, поданные в режиме необходимого объема выделенной газетной площадки. Четко, сжато, и только по делу. И никакой лирики, к которой предрасположен поэт или писатель, в том числе и я.

- О чем Вы мечтаете?

- Конечно же, о путешествиях! Как мне хотелось бы иметь возможность побывать в разных уголках нашей планеты, а потом поделиться своими впечатлениями с читателями!

- Наташа, в конце нашей беседы: можете ли Вы привести пример читательского отклика, который Вас наиболее тронул и вдохновил?

- Знаете, Дина, однажды я с удивлением обнаружила, что на сайтах «Стихи.ру» и «Проза.ру» мои произведения читают сценаристы. И один из них, кто внимательно читал мои произведения – это Константин Давидович Виткин, в настоящее время снимающий фильм в Голливуде. Константин Давидович уделил время и нашей переписке, где он давал мне очень ценные советы. И вот, после всех похвал и замечаний в мой адрес, он написал такие слова: «Сочным в своей выразительности, ни на кого непохожим языком - так искренне о том, страх чего всегда где-то прячется в сознании, с такой любовью о любви, о жизни, о смыслах и всем том, что легко сам для себя додумает думающий и чувствующий читатель... По-киношному сказать, саспиенс с катарсисом!»

- Вот это да! И, правда, по-настоящему вдохновляющий отклик! Поздравляю Вас, Наташа! Благодарю Вас за время, уделенное нашему изданию, за ответы на мои вопросы. Желаю Вам дальнейших творческих успехов, здоровья и счастья Вашей семье. И напоследок, еще одна просьба: предложите, пожалуйста, вниманию наших читателей несколько Ваших стихотворений, конечно же, о любви! О любви... с любовью.

- С удовольствием, Дина!

Беседу вела Дина ЛЕБЕДЕВА

Стихи Натальи Ахонен

АХ!..

Ах! Этот запах свежескошенной травы
Способствует потере головы...
Дуй ветер прямо в сердце, ну же, дуй!
...Травинка на губах? Нет, поцелуй!

Пуля-любовь

Не обижай меня, ведь я еще люблю!
Еще сверлит она – шальная пуля – сердце.
И криком не пугай, еще я верю дню
И ночью луну к тебе, пытаюсь отогреться.

Останови слова, они – не те, не те!
Не путай Божий дар, с тем, чем привык бросаться.
Как тушки певчих птиц дымят на вертеле,
Так рядом я с тобой - ни выжить, ни расстаться.

То тесно, то темно, не ясно – что мне ждать.
Я не хочу любви как редкой процедуры.
Но если бы взбрело замену подыскать,
То нет другой такой на свете пули-дуры!

ШАЛЬНАЯ ДЕВОЧКА ЛЮБОВЬ

Моя шальная Девочка Любовь!
Ты по уму должна быть перестарком,
Свернувшимся ежом, а ты на бровь
Надвинула не шляпу, нет – панамку!
Все в том же платье с брызгами цветов,
Что все-таки от стирок потускнели,
Боясь крапивы, шума, пауков
Запрыгиваешь в старые качели...
Бесстрашно? Нет, бесстрашно -
Это ложь! И, пряча замешательство
В колени,
На угли дую, щеки в саже - ждешь:
Тепла не будет, если нет горенья.

Случилось страшное...

Я так измучилась... И скомкана душа,
И смято-сжато в ком хрустящий сердце.
Слова в стихах оформляются спешат,
К ногам сползая мокрым полотенцем...

Я зябну. Бесконечная зима.
Не клянутся простуженные слюги.
Я не хочу одна быть. Нет, хочу - одна!
Мне тесно с эхом жить в своей берлоге.

Случилось страшное -
я стала ночью спать!
Куда исчезла «мечт» лихая сая?
Лишь прекращает палочкой стучать
тэвэшный доктор Хаус, засыпаю.

Прощальный взмах нечитанных страниц,
немым укором брошенная книга...
Бессонница – проклятие ресниц!
Я ей под одеялом строю фигу.

Уж был финал. Сто тысяч раз «прощай»
И вслух, и в виде письменном звучало...
Но после моря слез, как будто невзначай,
Мы лезли в ту же реку – все сначала!

Я без тебя смогу!

Я без тебя смогу –
Я без тебя привыкну,
Сяду на берегу,
Взвою на желтую тыкву.

Катится в небесах
Лунный холодный шарик,
Светит протяжно в глаза,
Будто ночной фонарик.

Я не умру без тебя –
Сам натаскал на разлуку.
В первые годы, любя,
Не выпускал мою руку,

Прикосновений искал,
Трогал мне пальцами губы,
Вздрагивая, засыпал...
Спи, я тревожить не буду.

Чаше звучало «пока»,
Реже «люблю» звучало,
Ночь отлежала бока –
От ожидания устала.

Я без тебя смогу,
Честно – уже привыкаю!
- Ты меня любишь?
- Угу, - филином в сон улетаю...

г. Нью-Йорк, США

Из цикла «РАСКРАСКИ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ»

Зарисовки и рассказы-«недоростки»

В начале октября солнце выглядывало ред-ко, но деревья с начинающими желтеть листьями, цветники на бульварах, купола и закомары церквей, старые и новые памятники и приведенные в порядок фасады зданий даже лучше смотрелись на прохладном жемчужно-сером фоне. Москва изменилась внешне за последние годы, но многочисленные признаки, отдельные от укорененной красоты города указывали на то, что внутренняя жизнь, возможно, изменилась еще сильнее. Смотришь под ноги – и прямо на тротуаре видишь многочисленные объявления типа: «VIP сауна» – и телефон. Смотришь вверх – во всю ширину проспекта растяжка «Я худею от этого плова» – и адрес ресторана.

Но вот смотришь перед собой и видишь, как невысокая полная девушка в короткой юбке и кургузой курточке пускает мыльные пузыри, а громоздкий очкарик с ежиком, подчеркивающим полноту лица, ее фотографирует. На город спустился вечер, фонари освещают белокурые волосы девушки и отражаются в мыльных пузырях. Они летят и лопаются, она смеется и выдувает новые, а парень продолжает снимать. И жизнь – нормальная человеческая жизнь, где мужчины не ходят в VIP сауны, а женщины не работают в них, где от плова не худеют, а поправляются, где есть место бесхитростной игре и той любви, которая не измеряется длиной ног и объемом груди и талии, – продолжается. Продолжается, несмотря ни на что.

И вот ведь штука: жизнь не бывает без лопающихся пузырей, только одни надувают их из мыльного раствора, а другие из денег, и, когда такой пузырь лопается, это может быть весьма опасно для многих. И чем он больше, тем больше может быть пострадавших. Все эти объявления о саунах под ногами и рекламные транспаранты высоко над головой, нарушающие городскую гармонию, – отражения этих пузырей из денег, которые кто-то надувает. А рядом с нами, на уровне глаз, происходит реальная земная жизнь людей, которые трудятся и учатся, и любят свой город, и надувают мыльные пузыри из игрушечного флакона. А их желания и мечты – неужели им суждено лопнуть, когда полопаются пузыри, надутые теми, кто, сидя в VIP сауне, закусывает водку пловом, чтобы похудеть?

ПРАВА МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА

Грегу четыре года, он живет в Алабаме – здесь его папа, защитивший диссертацию как инженер-электрик, сумел найти место ассистент-профессора. А мама у Грега программист, она везде легко находит работу, даже в Нью-Йорке нашла бы, если бы захотела, но папа там не смог устроиться в университет с перспективой получить постоянство.

Грег уже большой, он ходит в детский сад, а теперь чувствует себя совсем взрослым, потому что недавно у него родилась младшая сестренка. До садика он был Гришкой, и мама с папой так его и называют, а дедушка с бабушкой, когда приезжали недавно познакомиться с внучкой, стали называть его Грега – очень им нравилось, что внук у них теперь настоящий американец, и по-английски говорит гора-а-аздо лучше их.

Папы почти никогда нет дома, он все время на работе, особенно теперь, когда появилась Мария, или Манька, как ее называют родители. Манька очень нравится Грегу, но с ней не поиграешь – то она ест, то спит, то ее переодевают – и это быстро надоедает. Лучше играть самому. В воскресенье утром он проснулся оттого, что Манька плакала. Грег пошел в спальню родителей и увидел, что мама носит ее на руках, пытаясь успокоить.

- Доброе утро, сына. Иди пока одевайся, Манька успокоится, и я сделаю тебе завтрак.

Грег открыл комод, но не смог найти в ящике свои любимые шорты.

- А где мои зеленые шорты? – закричал он
- Не знаю, надень другие, – крикнула мама из спальни.

- Не хочу другие, хочу эти, с карманом на боку!

- У тебя все шорты с карманами.

- Но не с таким!

- Гришка, не кричи, так у меня Манечка

никогда не уснет, подожди.

Ага, значит, он Гришка, а она Манечка, и раз она рёва, то ей все можно, а ему ничего нельзя. И Грег заревел, немного притворно, но очень громко, бросая игрушки об стенку и выкрикивая: «Все своей Маньке, а единственному сыну шорты не можешь дать!» Мама так его называет иногда – «мой единственный сын».

И тогда мама пришла и отшлепала его. «Ты что, не понимаешь, что я не могу сейчас искать твои шорты? Подожди немного, она уснет, и поищем вместе».

Мама вернулась в спальню и взяла дочку на руки. И только та начала засыпать, как раздался звонок в дверь. Мама вышла в прихожую.

- Кто там?

- Полиция! Откройте!

- Но я полицию не вызывала.

- Мэм, из вашей квартиры поступил звонок, вы обязаны нас впустить, иначе мы взломаем дверь.

В квартиру вошли двое полицейских и увидели красивую молодую женщину с грудным ребенком на руках.

- Мэм, мы получили жалобу на child abuse . В квартире есть кто-то еще?

- Только я и двое детей.

- Где второй ребенок? Мы можем его видеть?

- Сюда, пожалуйста.

Татьяна Янковская

Родилась Ленинграде, школьные годы провела на Урале. С 1981 года живу в США. Литературной деятельностью занимаюсь с 1990 года, проза и эссеистика публиковались в журналах «Нева» (Россия), «Слово\Word» (США), парижский «Континент», «Время искать» (Израиль) и др. Финалист конкурса «Славянские традиции-2010». Книга прозы «M&M. Роман в историях» в 2009 г. была номинирована на премии «Русский букер», «НОС» и «Русская премия». Печаталась на английском языке в газете The Riverdale Press. В 1990-е годы в Олбани (штат Нью-Йорк) организовывала выступления писателей, поэтов, актеров, бардов (И.Губерман, Л. Улицкая, Д.Рубина, В.Смехов, В.Долина и др.). В 2003 г. опубликовала сборник поэзии барда Кати Яровой (1957-1992), являюсь продюсером собрания ее песен на трех дисках, опубликовала несколько статей о ее творчестве. Член Международного союза литераторов и журналистов APIA-WORLD и Клуба писателей Нью-Йорка.

Где мой сын?

Если бы вы только видели её глаза, если бы только видели... Тёмно-синие, почти чёрные. Жуть смотреть. Мутные, полные слёз. Казалось, что она ослепла от горя и не только ничего не видит, но и тронулась рассудком. Голос она потеряла от крика и плача и издавала какие-то стоны и хрипы. На всё это было страшно смотреть и слушать. Немытая, волосы дыбом, носится из угла в угол. Короче - драная кошка. Беда, да и только. Нам с женой было стыдно смотреть в глаза друг другу. Но что мы могли сделать? Встаньте на наше место.

Мы решили продать свою квартиру соседям. Не имея понятия, куда нам дальше ехать, начали все вынимать из шкафов и кладовок, распихивать по коробкам, ставить обратно в шкафы и кладовки... Пусик – молодой холёный кот - весело встречал пустые коробки, которые я приносил из подвала. В них можно было прятаться, цапать до одурения и никто при этом не кричит и не ругается, как когда цапаешь мебель. А когда коробка оказывалась побольше, то туда могла влезть еще и мама-Леська, и с ней можно было полежать рядом как в детстве и тогда не было счастливее мальчика на свете. Но коробки набивались посудой и ботинками и поднимались к потолку. В квартире становилось неуютно и грустно. Леська всё сразу поняла. Она очень умная, и у неё человеческие глаза. В один из вечеров она прошла по мне и села на грудь, уставив на меня свои умные зеленые глаза: «А что будет с нами?» Что я мог ей сказать, только лишь по-одесски ответить вопросом на вопрос: «А что будет с нами?»

Сутками мы вели грубые разговоры о деньгах, друзьях и врагах и всё распихивали по коробкам, заклеивали и подписывали их. В воздухе стояла ненужная напряженность от вопросов - а правильно мы делаем, что продаем квартиру и едем черт куда, где у нас нет ни друзей, ни знакомых? Мой папа – старый еврей из Польши - часто говорил: «Никогда не выливай старой воды, пока не нальешь новой». А у меня не старая вода, а крыша над головой продана, и не то что новой нет, а нет даже рваной палатки.

Мы оставили тесную квартиру из одной комнаты, двух котов, засыпанный снегом холодный город и рванули на юг искать новое место для жизни. Мы пообещали денег Анечке, знакомой девушке, чтобы она приходила кормить Лесю и Пусика. Она и раньше нас выручала, когда мы летели отдыхать. Сейчас было совсем другое дело. В квартире стало неуютно от ящиков, громоздящихся до потолка, зимней темноты, молчаливого телевизора и отсутствия хозяйки с её напевным: «А где мои деточки, где мои солнышки?» «Где моя доченька, где моя красавица?» – это о Леське. «Где мой рыженький носик? Пуська, Пуська, рыжая какуська». Пусик был не рыжий, а такой же серый кот, как и его мама, но в отличие от мамы любил сидеть и внимательно наблюдать за тем, что я делаю. Из него бы вышел замечательный мастер, поскольку он всегда терпеливо наблюдал, когда я работал, а у меня золотые руки.

Теперь мать с сыном всё время сидели в коридоре, уставившись на дверь, и ждали Анечку, ждали, что может за ней на пороге появится хозяйка, которая их кормила не раз в день, а когда они захотят... а хотели они и днём, и ночью.

Сначала на подушку приходил Пусик и лапкой мягко постукивал Валью по плечу или по голове, в зависимости от того, что торчало из-под одеяла. Если Валя не хотела идти на кухню, он начинал просить, причем не мяукал, а говорил: «Ма - ма». Хотите, верьте, хотите, нет. Так он просил еду для мамы и для себя. Если это не действовало, то ему приходилось выкапывать Валью из-под одеяла. Когда же хозяйка, наконец, щелкала баночками и высыпала мясо в тарелочки, первым ела мама, а сын терпеливо сидел рядом и ждал, когда она закончит.

Теперь не надо было никого просить, будить, выкапывать. В квартире никого не было. Еду давали раз в день сразу и помногу. Еда быстро портилась, становилась вонючей и невкусной. Ходить в грязный песок было тоже неприятно, но ничего не поделаешь. Когда была хозяйка, то можно было покрутиться возле нее, помяукать, когда она сразу не понимала, чего они хотят. Теперь же еда становилась всё хуже и хуже, а уж ходить в песок, который не менялся со времени отъезда хозяйки, вы уж приличных котов увольте.

На новом месте, чем больше мы смотрели квартир, тем яснее понимали, что нас туда с котами не пустят. Попросили Динару – старую подружку жены дать объявление в газете. Из Квинса позвонили хозяева продуктового магазина. Ищут кота, который будет ловить мышей, чтобы те не ели колбасу и сыр, предназначенный для продажи. Пусика увезли в Квинс.

Дети новых хозяев от него в восторге. Просидев в магазине весь день, Пусик не думал, что его оставят на ночь, но когда погасили свет и начали клацать замками, неожиданно оставшийся без мамы кот так заорал (да не «мяу», а «мама»), что пришлось открывать магазин и увозить его домой, пока не пришла полиция разбираться, в чем дело.

Так что пришлось новым хозяевам каждый день возить Пуську с собой на работу в магазин. Теперь вечерами он мог смотреть телевизор и играть с детьми. Не жизнь – малина. Но не было Вали, а главное, мамы. Он ничего не ел ни дома, ни на работе, хотя были горы вкусной еды и его окружали любящие люди и дети.

В темноте и одиночестве Леся сходилась с ума. Когда приходила Аня, она пристраивалась к ней, плакала и умоляла принести сына или сводить её к нему, но Аня уже хлопала железной дверью и наступала жуткая тишина опустевшей квартиры. Леся... Леся... Лесечка... Её горю не было предела.

Мы жили на временной квартире, ездили подыскивать квартиру для себя, и примерно догадывались, что происходит с нашими родными кошками. Валя решила - по тормозам с Лесей. Лесю не отдавать!!! Но Динара, чертова ехидна, уже нашла тетку, которой видите ли скучно. Мужа нет, детей нет, ну хоть кошечку. Мы Ане – не отдавай!!! А те напрают. Вообще, Динарка – старая калоша, на добро её нет, а делать гадости – хлебом не корми. Валя звонила новым хозяевам.

– Верните Пусика.

А они:

– Наши дети уже привыкли к нему. Правда, грустит, не кушает. Если и дальше не будет, мы вам позвоним.

Никто не звонил.

Нашли дом, нашли квартиру, всё в сотню раз лучше, чем у нас было. И вот на совете кондоминиума, где утверждали наши кандидатуры, нам говорят: «Собак нельзя, а кошек - сколько хотите. Мы кошек любим.» Валя открыла рот и чуть не села на пол. Бедный Пусик!!! Она полетела в Нью Йорк, чтобы привезти мебель и спасти Леську.

Ящики из кладовки были открыты и разбросаны по комнате. На полу валялась косметика, которая не понравилась вора. Пропали валины брюки и много другого. В миске у Леси мясо было каменным, простоявшим дней пять-шесть. До Ани нельзя было дозвониться.

Всю дорогу от Нью-Йорка до Флориды Леська орала как сумасшедшая. Она никогда не любила ездить на машине. Когда она высочила из ящика на новой флоридской квартире, то понеслась искать Пусика. Его нигде не было...

Наступала ночь, и теплый южный ветер ожесточенно трепал пальмовые ветки. Леся стояла на задних лапах на подоконнике, и все ночи напролет смотрела во мглу. Обычно чистолюя, она не мылась, не следила за собой. Иногда она просила нас поискать её сына, пристраивалась к походке и забегала вперед, с надеждой заглядывая нам в лица, стараясь понять, почему мы не хотим ей помочь. Она стала во всём подражать сыну. Ложились спать не в ноги, как раньше, а между мной и Валей, как это делал Пуська. Ничего не помогало. Пуськи нигде не было.

Один раз она усталилась на меня. Глаза тёмно-синие, почти чёрные, мутные, полные слёз, волосы дыбом, как у ёжика. У меня замерло на сердце. На неё было страшно смотреть. Она прохрипела только одну фразу: «Где мой сын?» И слёзы потекли по её щекам.

Гость

Иван Менджерицкий: «Я противник цензуры, но иногда сожалею о ее отсутствии в России»

что моя пьеса не будет поставлена никогда – главный герой совершает поступки, неприличествующие советскому человеку, хотя он никого не убил, не ограбил и не изнасиловал. К тому же, по условиям конкурса пьесы-победительницы должны быть поставлены в театрах России. Но кого тогда интересовали условия? И все же Министерство Культуры, но уже СССР, пьесу купило, и однажды к своему удивлению я получил телеграмму из Эстонии от Комитета по делам телевидения (не уверен, что эта организация так называлась) с просьбой разрешить перевести пьесу на эстонский язык и поставить ее на таллинском ТВ, что и было сделано. Четвертая пьеса была написана совсем недавно. Судьба ее не ясна. Если бы Ваша газета решила ее напечатать и снабдила бы текст CD с 18 замечательными песнями Марка Мермана – очень талантливого поэта и композитора (пьеса музыкальная) – я был бы счастлив. Спустившись на землю, я подумал, что мог бы сделать подборку из нескольких стихотворений Марка и получить у автора разрешение на ее публикацию в Вашей газете. Я уверен, они бы имели большой успех.

– Спасибо, мы будем рады познакомиться с творчеством Марка. Несколько лет Вы вели программы на американском русско-язычном телевидении WMNB. Зрители принимали Вас восторженно, многие проникались Вашими идеями как своими. Как Вы полагаете, каково воздействие современного телевидения на формирование массового сознания?

– Значительное. В противном случае мы чуть ли ни ежедневно не встречались бы с одними персонажами и практически никогда – с другими. Во время выборов достаточно увидеть, как бьются партии за место в эфире и сколько денег им это стоит. Если в начале прошлого века, в период революции, большевики стремились захватить банк, телефон и телеграф, то теперь в аналогичной ситуации, прежде всего, на первое место вышло бы ТВ. Путчисты во время путча штурмовали Останкино.

– Современный кинематограф, российский не исключение, переполнен сценами насилия, секса без любви, унижения личности, издевательств над людьми и животными. У каждой из этих сцен есть автор, сценарист. Многие из них в жизни вполне добропорядочные обыватели, обремененные многочисленными семействами. Почему они все же пишут то, что пишут?

– Я противник цензуры, но иногда сожалею о ее отсутствии в России. В современном российском кинематографе действительно много насилия, и потоком льется кровь. Ее и в жизни хватает, но все же, полагаю, значительно меньше, чем на экране. Агрессия, нетерпимость, насилие – не делают зрителей человечнее, добрее, толерантнее. Особенно это касается молодых. То, что происходит на экране, становится привычным, легко проникает в жизнь. Это опасная тенденция. Что же касается авторов, то многие из них придерживаются рыночных отношений. И, думая о том, что большая часть кинозрителей молодые люди, им и предлагаются страшилки, стрелялки, догонялки, которые бездумно и с аппетитом потребляются с попкорном. Но есть в России глубокие, серьезные фильмы, правда, процент их незначителен, и они продаются куда хуже однодневок. В Америке то же самое.

– Поговорим о литературе, о Ваших книгах. Как они явились на свет? Откуда взялись персонажи, язык, сюжеты?

– Илья Ильф в своих записных книжках написал о ком-то: «Он прожил большую и неинтересную жизнь». Я прожил 74 года – жизнь интересную и активную. Знал многих людей, видел многое, был свидетелем и очевидцем историй. Придумав очередной сюжет, я звонил своему другу – выдающемуся следователю МВД СССР и рассказывал о том, что собираюсь написать. Он задумывался на мгновение и гово-

рил: «Дело такого-то, 1964 год». Так было всегда. Это меня огорчало. Он как-то заметил это и сказал: «А ты радуйся, потому что ты придумываешь жизненные истории».

– А что объединяет русских, россиян как нацию и американцев? И что нас разделяет?

– Один советский журналист в прошлом веке написал, что русские и американцы очень похожи. Думаю, что у него было не все в порядке со зрением. Это разные народы, с разным менталитетом, с разными человеческими ценностями. Примеров множество. Скажем, если говорить о нормальных семьях, то везде хорошо относятся к детям, но в Америке родительская опека заканчивается значительно раньше. Еще раз подчеркну – в нормальных семьях, в других происходит все что угодно по обе стороны океана. В бытность мою в Советском Союзе стариков не отдавали их дети в дома престарелых. Это считалось неприличным, позорным даже. Американцы легко отдают своих стариков в подобные заведения. Правда, среди них есть очень комфортабельные. Дети раз в месяц – некоторые чаще, кое-кто реже – навещают своих стариков, привозят им «что-нибудь вкусненькое» и сами это поедают. Все это в порядке вещей. Все довольны, никто не возмущается. Мне кажется, что внутрисемейные отношения у россиян куда прочнее, чем у американцев. Зато внешне американцы выглядят приветливее и вежливее. Американцы очень ценят privacy-конфиденциальность. Когда ты едешь в машине, никто не глазеет на тебя из автомобиля, идущего рядом, на улице никто не будет разглядывать тебя, если ты неприлично одет, или выглядишь не так, как это принято. Россияне больше интересуются международными делами, американцы тем, что происходит в стране. Россияне больше политически заряжены и, думаю, духовно богаче. Тема эта бесконечна и находится в движении. Многие россияне начинают исповедовать то, что было важно американцам. На Брайтоне – центре российской эмиграции в Нью-Йорке – без труда можно услышать: «Если ты такой умный, то почему такой бедный?» Или анекдот: «На брайтонском пляже компания эмигрантов играет в карты. Недалеко от пляжа в океане тонет человек и кричит: «Help me! Help me!» (Помогите!) Один из игроков лениво говорит: «Вот Сема – придурок! Надо было учиться плавать, а он все учил английский. И что, он помог ему?»

– Тем не менее многие иммигранты из пост-советского пространства многого здесь достигли, несмотря на анекдот.

– Это вполне реалистическая история, но эмигранты из России добились действительно многого: получили образование, состоялись в профессиях, сделали хорошую карьеру во многих областях. И некогда центр эмигрантской жизни постепенно пустеет. Люди средних лет, особенно молодежь, уходит с Брайтона. У нее другие, более взыскательные интересы, другие пристрастия, другое более высокое понимание жизни и судьбы человека. У многих остается интерес к России, продаются книги на русском языке и газеты, говорят по-русски несколько радио- и телевизионных станций, и постоянно приезжают из России гастролеры. У американцев есть интерес к культуре и искусству России.

Россия и США никогда не были в состоянии войны. И я не верю ни на йоту, что подобное может случиться. Я надеюсь, что отношения двух великих стран, двух великих народов помогут человечеству преодолеть непростое время, в которое мы сейчас живем, дружески посмотреть друг на друга и с оптимизмом в будущее.

– Вопрос, на который Вы хотели бы ответить?

– Я хотел бы рассказать о российском и американском телевидении. Это очень большой и многоплановый вопрос. Если у читателей и редакции газеты это вызовет интерес, я с удовольствием расскажу об этом в следующий раз.

Иван Александрович, а теперь несколько вопросов от наших читателей в России:

– Иван Александрович, как Вы считаете, может ли демонстрация различных фильмов оказывать влияние на сознание и поведение человека или влияние кинофильмов преувеличено, как в советском кинофильме «Человек с бульвара Капуцинов», где играл Миронов, который показывал добропорядочные фильмы, и в городке все начинали вести себя соответственно, а когда его конкурент демонстрировал фильмы со сценами насилия и сексуального подтекста, то и в городе начинался разврат и драки.

– Кинематограф, литература, живопись, музыка, если речь идет о талантливых произведениях, вне сомнения, оказывают огромное влияние на сознание и поведение человека. Это хорошо понимали советские идеологи. В самый тяжелый период Великой Отечественной войны, кажется, в августе 41, вышло постановление правительства, запрещавшее призывать в армию «работников идеологического фронта». Согласно этому постановлению, не брали в армию артистов, даже артистов цирка. Вы наверняка знаете об актерских фронтовых бригадах, выступавших на всех фронтах. Писатели и журналисты надели офицерскую форму – и Твардоский, и Симонов, Казакевич воевал в ополчении.

– Советская школа кинематографа формировалась на системе Станиславского. Эта школа была признана одной из лучших в те времена, где актер не должен играть роль, а он должен полностью воплощаться в персонаж, иначе такой бы актер услышал известную реплику Станиславского – «Не верю!». Как Вы считаете, актер должен настолько реалистично воплощаться в некое положительного или отрицательного персонажа, чтобы даже зритель, уже и после фильма, таким и представлял актеров в их реальной жизни, или все же чтобы зритель мог понять наигранность актера, у которого в реальной жизни может быть совершенно иной склад характера?

– Система Станиславского не ушла в прошлое. Многие голливудские актеры ее знают, пользуются ею. Константин Сергеевич говорил, что система нужна только талантливому артисту. Конечно, вы все знаете слова Станиславского о жизни человеческого духа на сцене. Будущему артисту предлагается комплекс упражнений, который и помогает ему достигнуть этого. Знаменитый артист Малого театра Павел Степанович Молчалин, игравший в первой половине XIX века, был неграмотным, роли учил с голоса. Ставили «Юлия Цезаря» Шекспира. В роли Цезаря – Молчалин. Во время премьеры в его гримерную ворвался профессор-историк с криком: «Где вы прочитали об этом?» Оказалось, что только недавно в каких-то старых рукописях обнаружили: Юлий Цезарь, произнеся речь перед войском, никогда не поворачивался к нему спиной, а пятился назад. Молчалин ничего прочитать не мог. Он сказал: «Посмотрите на рожи этих солдат. Разве можно повернуться к ним спиной?» В эти мгновения великий артист верил, знал, что он – Юлий Цезарь. Знали это и верили в это зрители.

– Иван Александрович, сейчас все больше применяются технические новации и не только в неких спецэффектах, но и с заменой даже актеров на виртуальные персонажи, как вы думаете, может наступить такой момент, когда живого актера полностью заменят анимационные персонажи?

– С моей точки зрения, спецэффекты, какими бы изощренными они ни были, не сделают слабый фильм хорошим. Технически уже сегодня, наверное, это можно сделать. В моих многочисленных планах, если доживу, есть идея написать об этом роман. Тогда и посмотрим.

– Иван Александрович, большое спасибо Вам за интервью, мы еще встретимся с Вами на страницах нашей газеты, нам есть о чем поговорить. Уважаемые читатели, присылайте в редакцию свои вопросы к Ивану Менджерицкому.

Нина БОЛЬШАКОВА
Интервью с Иваном Менджерицким

Творческая мастерская «ЕЖИ» и литературное сообщество «ПСИХОДЕЛИКА»

Интернациональное литературное объединение Творческая мастерская «ЕЖИ» было основано в 2006 г. Чёрным Георгом и собрало в себе русскоязычных авторов из России, Украины, Казахстана, Кипра, Латвии, Молдовы, Израиля, США и Соединённого Королевства. В качестве своего основного сетевого портала оно использует страницу сайта Стихи.ру и преследует благотворительные цели. За время существования Творческой мастерской «ЕЖИ» было проведено более 100 тематических и жанровых поэтических конкурсов, а также более 150 блиц-турниров и литературных игр. Все победившие на больших конкурсах Творческой мастерской произведения хранятся на отдельной странице Бриллиантовой коллекции, где с ними удобно знакомиться посетителям сайта. ТМ «Ежи» систематически проводит подробные критические разборы текстов всех желающих, делает анонсы поэтических подборок ушедших из жизни поэтов, проводит поэтические семинары, ведёт страницы виртуального Литкафе и форума. Общее число посетителей её интернет-страниц в настоящее время приближается к 200.000. Участники лито ТМ «ЕЖИ» неоднократно побеждали и становились призёрами на представительных поэтических состязаниях, включая гумилёвский конкурс «Заблудившийся трамвай», «Пушкин в Британии», и др. Творческая мастерская «ЕЖИ» и сегодня продолжает оставаться наиболее престижной конкурсной площадкой сайта Стихи.ру, задающей планку всем остальным, появившимся позднее, конкурсным площадкам.

Катерина СНЕЖНАЯ

Счастливая обительница Самары, выпускница Самарского государственного аэрокосмического университета, кандидат в мастера спорта по синхронному фигурному катанию. В настоящий момент посвящает своё время, помимо прочего, вышиванию крестиком и стрипдансу. За несколько лет серьёзного увлечения поэзией не раз становилась победительницей сетевых конкурсов.

GIRL'S SECOND
BEST fRIEND

Слова волшебниц накрепко запомнив,
Идём – через долины, через горы, –
Заветное желание исполнить...
Но потерялся Изумрудный Город.
Идти поодиночке – не под силу,
А у меня есть только ТЫ, хороший:
Такой нерассудительный Страшила,
Не Лев, не Дровосек и не Тототшка...

Мы срежем путь: пойдём обыкновенной,
Дорогу с жёлтым кирпичом оставив.
И вот мы в поле, маки по колено,
И можно разговаривать с цветами.
Растягивая вдохи до предела,
Почувствуем, что нужно так немного, –
Того, что не найти и не подделать.
Но сердце, ум и храбрость – не помогут.

Я скину башмачки, глаза закрою,
Ты сбросишь огрубевшие сандали.
День фей, не убивающих героев,
И обезьян, которые летают...
Мы сделаем свой путь
предельно длинным:
И будем сонно плыть в тени акаций –
Туда, где в красных маковых долинах
Не нужно – ни вставать, ни возвращаться...

УСАТЫЕ-ПОЛОСАТЫЕ

Необратима – здесь и теперь – бойня.
Неуязвимый, как же тебе больно...
Камирра, «To Your Solitary Drive»

Чтобы отвлечься, неплохо бы выпить чаю,
Или откусать рождественский
сладкий пудинг;
Под одеялами, смирно, мечтать ночами...
Только теплее от этого вряд ли будет.

Можно, вдвоём на кровати бездумно лёжа,
Чувствовать, как неприлично
мне в шею дышишь,
Переходя на опасные тембры – кошек...
Вот почему испугаться решили мыши.

Чёрных полос на тебе
накопилось сто-олько...
Нет, не пытайся их уголь закрасить мелом.
Лучше ко мне поплотней
прижимайся, стойкий,
Чтоб отпечатки остались – моих,
белых.

О ДЕФИЦИТЕ ПРАВИЛЬНЫХ
ОПРЕДЕЛЕНИЙ

Вдоль устричной бухты разгуливал вечер,
Оттенками ретро нас изображая –
Безумно свободных, бегущих беспечно
Вприпрыжку (по волнам)
с морскими ежами.

Какие-то глупости веткой чертили
На мокром песке. И в объятиях пены
Смешно кувыркались, смущая актиний,
Всех чаек прибрежных соннав постепенно.

Занятие было, увы, бесполезным –
В воде распознать свои руки и ноги.
Почти что научным горя интересом,
За нами следили со дна осьминоги.

...Осталась на память моллюска ракушка,
Которую мы поделить не сумели.
Прижмём её к уху: внутри и снаружи
Воды бьётся пульс учащенный, поверив –

Мурашкам (сбегающим по позвонкам) и
Словам (что наутро размыло прибором).
Они были больше, чем просто словами.
А море... оно было больше, чем море.

Ирина РЕМИЗОВА
(СМАРАГДА)

Родилась и живёт в Кишинёве. Окончила филологический факультет Молдавского государственного университета, где сегодня читает курсы истории русской литературы XVIII века и теории литературы, а также спецкурсы по сравнительному стихосложению и анализу стихотворного текста. Автор книг стихов «Серебряное зеркало» (2000), «Прикосновения» (2003), «Неловкий ангел» (2009).

LATERNA MAGICA

...Показалось, что зимы не будет
и за ноябрём наступит март.
К вечеру неспешно вышел в люди,
разлохматив куций бакенбард,
первый подмастерье ледостава,
городские лужи застекля –
поглядеть, как полнятся отавой
оттепелью сжатые поля.

Где-то наверху скучают вилы –
жёлтой шерстью обросли рога.
Мелкие цветочки гипсофилы
ветром наматаются в стога –
скоро за букетами невесты
выйдут из растущей темноты,
под распев невидимой челюсты
разберут холодные цветы...

Этой ночи не бывает дольше –
съеден до огрызка светлый плод
на рассвете опытный стекольник
ящик с инструментом принесёт
и нарежет матовых полотен,
по размеру каждого окна,
напылит копыток да смородин,
ёлок да овсяного зерна.

Литературное Сообщество «ПСИХОДЕЛИКА» было создано Чёрным Георгом в 2008 г. с целью популяризации основанного им нового поэтического направления - психоделики-пи, представленного несколькими докладами на проходившей в Евпатории в феврале этого года межвузовской научной конференции «Коммуникативно-когнитивный подход к преподаванию филологических и психолого-педагогических дисциплин». Члены Сообщества продолжают разрабатывать теоретические и практические основы нового направления, расширяют коллекцию показательных психоделических текстов, а также проводят комплекс мероприятий по дальнейшему развитию психоделики, включая семинары, обсуждения статей по психоделике, и т.д.

На столе раскрыта готовальня
и разложен бристольский картон,
варится на кухне клей крахмальный
из обломков круглых макарон –
значит, понастроим из бумаги
всевозможных замков и дворцов
и завьём серебряные флаги
лезвиями ножничных щипцов,

и заселим встрёпанную хвою
дутым позолоченным зверьём,
за работой не заметив: «двое»
потихоньку сделалось «вдвоём».
Не распутать нити канители,
не уговорить вдову Клико...

Знаешь, а грачи не улетели –
просто поле очень велико.

НАЙДЕНЫШ

О звоне полночном, о радужном зареве,
О знаке крестовом на правой руке
Она бы повела – но разговаривать
Дано ей на птичьем чудном языке.

С тех пор, как она появилась в обители,
Доселе достойной, пошли чудеса:
Монахини синие молнии видели
И слышали в кельях её голоса.

Как будто бы кто-то
огромный и ласковый,
Металлом невидимых перьев блестя,
Её утешал, убаюкивал сказками,
Закутывал в облако, словно дитя, –

И время вставало на страже, покорное,
И тьма продолжалась до самой весны.
Всходили из торфа, густого и чёрного,
Тянулись к изглавиям сорные сны.

А утром апрель аккуратно разглаживал
Заломы и складки на свежей листве,
Фиалками наполнились узкие скважины,
В цветах мать-и-мачехи вспыхивал свет.

Она выходила – и колокол трогала
Привратный и, платье рукой подобрав,
Двором монастырским до лисьего логова
Летела, ступнями не трогая трав.

И вербу вдыхая, и пристально думая
О горькой последней неделе поста,
С восторгом и жутью смотрела игуменья
На купол растущий её живота.

ЖДАТЬ ВЕСНУ

...И ждать весну, как прежде, – вопреки:
уйдут под землю травяные рыбки,
сирень сожмёт покрепче кулачки,
вернётся грач, грассируя негибко,
ударно-струнный коллектив цикад
уснёт вповалку в заячьей капусте,
войдёт под утро первый снегопад
и рукава по улицам распустит.

В скупой чересполосице зимы,
на межсезонья выселках протяжных
не подают и не дают займы
ни золотых, ни медных, ни бумажных.
Минуешь в полусне солнцеворот –
и выйдешь, наконец, на луг неросный:
там колокольчик луковки живёт,
спелёнутый бумагой папиросной.

И вспомнишь город – он не стоил месс,
поскольку был крошечное беспутье,
где всех, кто дышит, вёл кругами бес,
не разбирая, птицы или люди,
где дым сочился из прорех и пор
и – сам не веря, что пора такая, –
раскачивался красный семафор,
на небо никого не пропуская.

Ирина ПЛЕВИНСКАЯ
(АЮНА)

Родилась и провела ранние годы в Якутии. Последние десятилетия живёт в Москве. По образованию врач, занимается реабилитационной терапией. В сфере её основных интересов лежат различные лечебные восточные энергетические практики, философия, живопись. Пишет преимущественно миниатюры, тяготеющие к верлибру.

ЛЕНСКОЕ ЛЕТО

Я говорю: Элуне
и серебристой рыбой плыву
к северному холодному океану.
Я говорю: Элуне –
синяя вена.
Олени пьют мою воду,
выходит тайга к берегам.
Элуне.
Оюн,
старый шаман,
поёт,
гонит звёзды на север,
привязывает к звёздам сердца.
Элуне.
Кровь брусничного цвета.

ПЕТРОГЛИФЫ

Можно высечь на чёрных скалах
отпечаток своей ладони
между
летающим стерхом и оленем,
бегущим на север,
и закрасить всё красной охрой
Нельзя вырезать
рисунок
своего сердца –
никто не поймёт,
что это.
Пусть вместо сердца
будет
большая волна
и над ней
глаза нерпы,
потерявшей свой дом.

* * *

Реликтовые льды моей страны
спят глубоко,
и в них
застывший свет
далёких звёзд,
и спящая вода
ещё хранит
начальные
слова.

* * *

Ты,
потерявший путь,
в краю моих ресниц
всё ищешь
сны,
где нет ни змей,
ни яблок.

* * *

Рождённые на рассвете
птены птицы Бенну –
всегда
летят в направлении ночи,
туда,
где от пепла сгоревшего дня
закат становится красным.

Творческая мастерская «ЕЖИ» и литературное сообщество «ПСИХОДЕЛИКА»

Дмитрий ДЁМКИН

31 год. Место жительства – г. Калуга. Серьёзное увлечение поэзией и сетевой литературной деятельностью началось около пяти лет назад. В настоящее время – главный редактор международного литобъединения Творческая мастерская «ЕЖИ». Публиковался в журнале «Новая

МЕМЕНТО

Перелесок, застывший в полу'дне.

В нём прячется птица –
старается слиться с полуденной зыбью,
пастушьей сумкой и зверобоем.

Слева – покос,
сухо и неразделимо,
которое было –
клевер, ежа' и вика.

Справа – не приходили ещё,
там трав разнословие длится.

Всё это вчера.
А сегодня – не жаль и легко:
«хорошо, что тепло и танцует пчела
над невидимым миру цветком».

ЧТО-ТО В РОСТКЕ

Из влажного чернозёма
на свет пробился росток.
Так как солнце и дождь были умеренны,
Он постепенно окреп.
Однажды: «колос» –
сказал о ростке человек,
Оказавшийся после жнецом.
Колос связали вместе с другими
И отвезли на ток.
Одну из частей назвали «добрым зерном».

Белый от пыли мельник в белую пыль
превратил зерно,
А потом повесил себя
на белого стула спинку.
Белую пыль, воду и свет пекарь
соединил в одно.
И еду положили в корзинку.

Живописец с ножом в руке открыл,
Что податливость тёплого тела хлеба
И есть абсолютная твердь.
Он отложил нож, взял кисть и
Ровно на три единицы времени отдалил
тепловую смерть.

ФЕНИКС И РУЧЕЙ

Если не прятать себя за стекло,
то обнаружится –
Воздух не весь остыл
к наступлению темноты.
Полдненья в мелких
низинах собраны лужицы –
Узкие полосы тающей теплоты.

Если собрать их все – то, быть может,
выиграешь
Сразу: без ветра ночь, рассвет без дождя,
Без сновидений сон. И огней рубеж
Не перейдёт в прохладной воде тебя.

Если не сможешь застать их все –
Прошепчи: закат –
Это всего лишь смещение в тень Земли.

Вместо моста
Лежат три камня на дне ручья.
Раз.
Два.
Три.

**Ирина КАМЕНСКАЯ
(КАМИРРА)**

Последнюю четверть века предпочитает проводить в г. Евпатории. По образованию филолог-англист, преподаватель, переводчик. Читает в крымском гуманитарном университете курсы лексикологии, стилистики, теории и практики перевода, лингвострановедения, литературы постмодернизма, а также практический курс английского языка. Автор недавно вышедшей книги стихов.

В ТАКОЙ-ТО ВЕК И ГОД ТАКОЙ-ТО

За постепенность перемен,
за сумрак недопониманья,
что я отдам тебе взамен,
распорядитель угасанья?
Какая из моих харит
тебе покажется достойной?

Любовь последняя горит
неустрасимо и спокойно
на самом верхнем этаже.

О, мой недремлющий пожарный,
не торопись, не будет жертв,
стенающих в бреду угарном.

Но выбор сделан – и давно.
Твои холодные брандспойты
нацелены в ее окно.

В такой-то век и год такой-то,
покончив с внутренней борьбой,
не победив, не покорившись,
она возьмет меня с собой,
бессильно падая все выше.

СУЖАЯ КРУГИ

Дотяну до последнего, скомкаю
С неуступчивым прошлым свидание,
Разминусь с некрасивой девчонкою –
Той, которой остаться не дали мне.

Ей казалось, страшнее банальности
Только гордые белые лебеди,
Из призывно звучащей неданности
Свысока обронившие «где тебе».

Я б осталась синичкой-воробушком
И была бы намного любимее
Тем, кто мне прошептал «не попробуешь –
Не узнаешь ни рока, ни имени».

Я бы... что теперь. Годы не ведают
Белизной моего оперения.
Гордым, сумрачным, царственным лебедем
Я кружу над синичковым временем.

С КЕМ НЕ БЫВАЕТ?

Ещё бывают в жизни вечера,
Когда молчу, самой себе чужая,
Прошедший день в избыток вчера
Без тени сожаленья отпускаю.
Ещё приходят строки по ночам,
В которых утром не хочу признаться.

Сумею ли их тайну замолчать,
Когда часы – присяжные двенадцать –
Пробьют единогласный приговор:
Казнить нельзя помиловать, а знаки,
Не препинаясь, выстрелят в упор?

Бывают дни – шершавые, как накипь,
На гладкой оболочке бытия,
Когда судьбы избыточная жёсткость
Мне иссушает душу, если я
Процеживаю дни через решётку
Пяти порядком засоренных чувств.

Бывает так. Но чаще и печальней
Приходит ночь, когда блаженно пуст
Слух внутренний, а внешнее звучанье
Вознаграждает за покой сполна.

Мне всё дано. Мне ничего не надо.
И воцаряется такая тишина,
Как будто ты уснул – со мною рядом.

Марина РАТНЕР

Родилась и проживает в г. Харькове. По профессии и образованию физик. Работала и стажировалась во многих странах мира. Поэзией увлекается давно и серьёзно.

КАПУСТНИЦА

Ночей и дней сиреневыми взмахами
июнь весёлый облетит дворы,
и будет есть без соли и без сахара
тугие серебристые шары
зелёная застенчивая гусеница,
и силы их упругой наберёт...

И превратится в бабочку-капустницу,
и не узнает прежний огород.

Ей не нужны ни мягкость, ни укрытие
курчавого росистого листа,
а небосвод готов рукой накрыть её
и тёплым ветром крылышки листать.
Ей дела нет, что скоро ночь опустится
на кашек и ромашек тёплый снег...
Остались голод, страсть её и грусть её,
спелёнутыми в крепком кочане.

Так далека от мудрости и жалости,
взлетает, оставляя нас одних.
Прозрачной каплей лето в дар досталось ей,
уже не делимое на дни,
на свет и тени, горести и радости,
на пурпур, изумруд и бирюзу...

Так высоко над мудростью и жадностью
серебряного глобуса внизу...

УЖЕ В ПУТИ ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ АВГУСТ...

Лиловых вечеров многоголосье –
как чистая и звонкая река...

Созревших дней тяжёлые колосья
не может лето удержать в руках,
унять печаль и приглубить радость,
и «узелки на память» завязать...

Уже в пути великолепный август
и поднимают арку небеса
для ветра на высокой колеснице,
для облаков, предчувствующих гром...

От зноя расплываются границы –
стучится солнце где-то под ребром,
по жилам гонит ягодную сладость –
как будто заблудилось в бузине...
Уже в пути великолепный август
и синь кипит на медленном огне.

Губ тишины сливовое касанье –
а за щекой – разлука и полёт,
цветной горошек шевелит усами,
жара застыла бабочкой – и ждёт...
И степь раскрыла разноцветный парус,
и свет зажат в рябиновой горсти.

Уже в пути великолепный август,
до встречи – только поле перейти...

В ОСЕННЕМ ПАРКЕ РАЗЛИЛОСЬ БОЛОТЦЕ

В осеннем парке разлилось болотце,
блестят пересечения ветвей.
Нешедрый хлеб разломленного солнца
накрошен и синице, и тебе.
Обрывки стен лесного винограда
творят нездешний, сказочный уют...

Сын крепко спит, качать его не надо,
ладони свет из блюдец-листьев пьют,
как будто руки превратились в ветки
и отдыхают, прежний дом узнав...

Бывает иногда, хотя и редко,
на дне души такая тишина,
что рыболов, идущий за тобою
по скользкой тропке с самого утра,
поймает небо бледно-голубое
в густую сеть переплетённых трав...

Симон СЛУЦКИН

49 лет. Живёт в г. Цфате (Израиль). Профессиональный художник. Уже много лет посвящает свободное от живописи время поэзии.

КРЫЛАТЫЙ ЗАВТРАК

По козьим тропам вниз, на перевал,
вступают солнца медленных касаний,
долиной шёлка, в негу, за вуаль,
спускаясь в недра, к языку Кассандры.
Глухонемые голуби клюют крылатый
завтрак – узнаваний зёрна,
и пальцы, с осторожностью минут,
стремятся вглубь по лепесткам свободно.
Пчелиный бог пьёт медуницы мрак,
и междометий первобытный солод
разлит вовне.
Тела, созвучьям в такт, сливаются.
До сотворенья слова
Адам и Ева были дух. Одно. И между ними
это не звучало.
Теперь не так: вовсю кружит оно
и, поднимая парус покрывала,
приносит вкус пророчеств, и гора,
взлетев на воздух, не спешит обратно,
и Магомет поит сосков герань
теплом её вершин голубоватых.
По-аравийски молится ничком,
на лоне карамелью ловит лето,
и в жаркую страду – гнедых сверчков
ссыпает в закрома ржаного света.

И, наконец, по ниве, по меже,
в лесные дебри, в ягодное царство,
в берлогу плоти, в сладкое «уже»,
в желанное и лучшее пространство,
в ворота городские, в храм, в чертог,
в «тебя люблю» и в первое «не надо»
врываясь, оставив за чертой
сознание - последнюю преграду
к слиянию.
И голос: подожди...
И ветер туче шепчет: воля, воля...
Пророчица зрит небо, и дрожит
кузнечиком разбуженное поле.

ОСЕННЯЯ МОЛИТВА

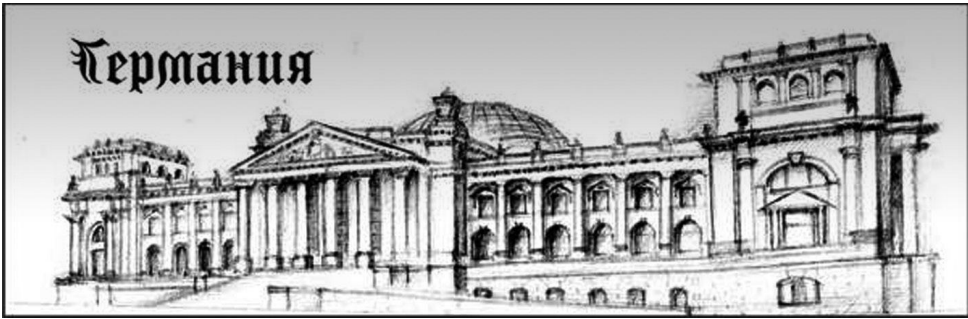
Багряная листва, летящая у ног,
и чёрные стволы, растущие из неба.
Я каждым шагом жив,
но если б только мог,
листочком прошелестел –
и никогда бы не был.
Упал бы и скользнул –
во прах, в небытие,
поплыл звездой в ночи
или речным туманом,
ушёл бы с головой в безличие Твое,
владыка Адонай! -
я Твой листок багряный.

Я ТЕПЕРЬ НЕ ПРИПОМНЮ ДАЛЕКОЕ ДЕТСТВО

Я теперь не припомню далёкое детство.
Не со мной говорил светлячок-балагур,
но до смерти –
библейское злое наследство,
и голодные звёзды, и сосенный гул.

А за кругом седьмым
мне однажды приснится:
вместо углей – листва
– прибавленье огня,
желтопад и душа,
как астральная птица,
камнем в камне летит, сквозь меня –
на меня.

Ненадолго – свобода бежать по сугробам;
только осень навек... И всевластен в ночи
голос предков – колющее бремя озноба,
караванное счастье субботней свечи.

Германия

Про Мурзу

ЗНАКОМСТВО

Мне долгое время хотелось, чтобы в доме жил кот – черный-пречерный, но все как-то не складывалось. А однажды зимой задержался я на работе до самого позднего вечера, возвращался домой, когда на дворе совсем уж стемнело, да к тому же метель началась. Не успел я от трамвайной остановки к дому направиться, как вдруг слышу у себя за спиной жалобное мяуканье, и не мяуканье даже, а тонюсенькое такое мяучье пищание. Оборачиваюсь, а за мной крошечный котенок изо всех своих сил бежит и меня таким образом окликает. Только в тот вечер я устал очень сильно, и на это его окликание поначалу никак не отреагировал, а быстро пошел себе дальше. Но когда я уже почти до самого дома дошел, котенок вдруг стремглав из-за спины моей выскочил, из последних котеночьих сил понесся вперед, растопырившись на крыльце – мяучит, в дом не пускает и всем своим тощим тельцем ко мне тянется. Ну что тут было поделать!

- Так Мурза в доме и поселился, в корбке из под ботинок, и из тошнечного замухрышки понемногу вырос бело-рыжий красавец-кот с совершенно нахальной мордой, вальяжный, балованный, с несносным характером: если что не по нем, злится просто ужасно и орет на меня, будто барин на дворню, на прислугу – другими словами.

Только мы с Мурзой, если честно, большие друзья, потому что стоит мне вдруг заболеть, на душе беспокойно, неладится что-то, он обязательно рядом - мой наипервейший доктор, собеседник и главный спаситель, а поэтому я ему всякие его выкрутасы и бессовестности прощаю всегда, и замашки барские тоже.

ДОМА

Мы с Мурзой, конечно, друзья, но друзья, к сожалению, иногда тоже ссорятся. Мурза тогда дуется, общаться отказывается и прячется в каком-нибудь укромном местечке – семь потов сойдет, куда отыщете; однажды, пролаза такая, запрятался в ящик комода, – до сих пор ума не приложу, как изловчился!

Я всегда готов первым идти на мировую, потому что я старше и вести себя, значит, тоже должен, как старший. Но только если младшего отыскать невозможно, то как же тогда помириться?!

Впрочем, есть замечательный способ выманить Мурзу отовсюду, где б ни находился. Дело в том, что Мурза жутко, просто до дрожи, любит варенные яйца. Стоит крутым яйцом постучать по чему-нибудь твердому, как Мурза уже тут как тут, просто из-под земли вырастает. Только я, если он уж очень сильно нашкодил, постучу – и быстренько в карман яйцо и запрячу, чтоб Мурза его раньше времени не увидел. Примчится, прокашлянет, – а яйца-то и нету... А, может, и не было? Может, ослышался, например? У Мурзы тогда такая недоуменная морда становится, такая прямо изумленно-обиженная: и как это я, бывалый Мурза, мог так обмишуриться; и уши повиснут, и весь сникнет, скукожится, и кажется, что он эту невероятную драму просто не переживет; а потом начинает он бесконечно кругами меня опутывать и пол хвостом подметает, и лапой штанину скребет, и тяжело вздыхает... И так это он скребет и вздыхает, что душа моя в конце концов не выдерживает: достаю я из кармана яйцо, очищаю и бедокуру рыжему кладу перед носом на блюдце. Ух, какая кутерьма тогда поднимается!.. И мне от веселья этого тоже ку-сочек перепадает – друг все-таки.

В ДЕРЕВНЕ

В отпуск мы всегда ездим вместе, потому что нам повзросло грустно. Как-то раз сняли мы комнатку во флигеле большого деревенского дома; дом стоял далеко в стороне от другого жилья на довольно высоком взгорке между лесом и озером, и кругом было тихо и очень красиво. Сняли мы, значит, комнатку и стали покоем и красотой наслаждаться. По утрам, рано-раненько, ходили на озеро удить рыбу (правда, плотвички только на завтрак Мурзе и хватало), днем в лес за ягодами отправлялись, а вечером на крылечке сидели, общались и звезды рассматривали.

А через несколько дней по приезде наша старушка-хозяйка купила цыплят инкубаторских, посадила их в огромный картонный

ящик с высокими стенками и выставила сироток во дворе на раннее солнышко. Цыплят было много, штук пятнадцать-двадцать, они носились по ящику и пищали без устали, а так как из-за бортов ящика ничего с высоты кошачьего роста видно не было, то Мурзу этот писк нервировал сильно.

Мурза, между нами если, был немножечко трусоват, но при этом и любопытен – необычайно, и поэтому он старался одновременно и от ящика подальше держаться, и в тайну странного шума как-то проникнуть. Ну, любопытство всегда почти сильнее страха оказывается, и через короткое время, соблюдая величайшую осторожность, подобрался Мурза к ящику, встал на задние лапы и долго пискливое копошение в тот день разглядывал, ничего не предпринимая. А на завтра, после рыбалки, только старушка ящик с цыплятами на двор из курятника выставила, подкрался, негодник, к ящику и – раз! – в него и забрался: может быть, детство вспомнил.

Мы с хозяйкой испугались невероятно, кинулись с разных концов двора, с ужасом заглянули внутрь... и аж расхохотались: лежит Мурза в ящике пузом вверх, лапы по сторонам разбросал, глаза зажмурил, морда довольная, важная – будто настоящий князь татарский – Мурза – осчастливил своих верных подданных милостивым появлением; а по Мурзе цыплята бесстрашно бегают-прыгают, пищат и правителя рыжего клювиками щиплют-щекочут – ублажают, а властитель усатый аж мурлычет от удовольствия. Так оно и повелось: Мурза забирался в ящик к цыплятам и нежился, а они его «своим парнем» считали и ни капельки не боялись. И даже потом, когда подросших цыплят во двор выпускать стали, стоило только Мурзе разлечься на солнышке посреди двора, а цыплята уж тут как тут: вокруг приятеля своего соберутся – и ну хороводы водить, да играть – всем на удовольствие.

В ЛЕСУ

Раньше Мурза с удовольствием ходил в лес вместе со мною. В лесу мы вели себя очень тихо, потому что не столько что-нибудь собирали-искали, сколько лесным покоем и воздухом наслаждались, птиц угадывали, ручьи и деревья слушали, солнце и небо сквозь листья разглядывали – от города и суеты отдыхали, и даже между собой поэтому почти не общались.

Однажды поехали мы раннею осенью за грибами, долго бродили, но грибов почти никаких не нашли, только-только донышко лукошка прикрыли. Ну, совсем уж пустыми возвращаться никак не хотелось, и решили мы через яр перебраться и в соседний лес перейти: может, там повезет.

Сказано – сделано, стали по склону спускаться и уже дошли почти до середины, как вдруг... Мы так и замерли разом: лежит в своем лежбище огромный серый зайчище, глазами моргает, носом шморгает, но не удирает, будто его паралич от страха разбил. С Мурзой тоже непонятно что случилось: спина выгнулась, хвост трубой поднялся, шерсть дыбом встала и он застыл – будто вкопанный.

Так мы трое, наверное, целую вечность в «замри» и играли, а потом Мурза и заяц как кинулись вдруг один на другого, как столкнулись в воздухе, да с дикими воплями и ринулись в разные стороны, только я их и видел. Сколько я потом не ходил, сколько не звал – не нашлся Мурза; так тогда, пригорюнившись, один домой и вернулся.

Только через неделю почти, под вечер, возвратился бродяга в квартиру. Услыхал я, как он за дверью мяукает, подбежал к двери, распахнул: сидит бедолага Мурза на пороге – тощий-претощий, шерсть клочьями, морда жалобная, расцарапанная, ухо порванное...

Взял я его на руки, обнял крепко, вымыл, полечил, накормил... А он больше не отпускал меня ни на шаг, будто боялся, что может опять потеряться, и все норовил на руки ко мне или на колени забраться, чтоб поближе быть, по-сильнее притиснуться...

После этого случая Мурза в лес ходить наотрез отказывается; долгое время даже в парке, если много деревьев вокруг росло, сильно нервничал, к ногам жался и на руки просился. Но мы понемногу страх этот перebarываем и в парк, даже самый большой, уже запросто ходим.

А вот зайцев и кроликов мой Мурза с той поры на дух не переносит, даже игрушечных.

Александр КРАМЕР

Две палатки

Есть ли Бог на свете?

На эту тему разгорелся однажды спор в нашей рыбацкой артели после трудового дня вечером у костра. Когда аргументы обеих сторон были исчерпаны, а единого мнения не было выработано, рыбак Александр предложил:

- Давайте спросим у тётки Чарду. Она язычница. Интересно.

Пожилая долганка Анна Чарду, кухарка, уборщица и добрый гений нашей артели, как раз пекла пирог с рыбой на горячих камнях у костра, её пятилетний внук крутился тут же и «помогал» бабушке.

Тетушка Чарду повернулась лицом к Александру, свет вечерней зари отразился в её узких глазах.

- Саша, ты свой палатка чистишь-блистишь, прибираишь, посуда моишь?

- А как же, - отвечал слегка озадаченный Саша, - прибираюсь, как все.

- А если не будишь порядка делать, тогда как?

- Ясное дело – грязью зарастёшь, - усмехнулся Саша.

- Сюда посмотри! Хорошо посмотри, Саша!

- повариха указала широким жестом на реку, на море, на дальнюю горную цепь.

Не только Саша, все мы смотрели хорошо и долго.

- Я старый женщина, Саша, долго тундра живу, кругом посмотрю. Никогда так не бываит: зима два раз, лето ни раз, или олени волка кушают, или гусь на утка женится.

Всегда порядка тут на низу, кажный плерода правильно ходит: свой дом, свой еда, свой жена знает.

- Теперь туда посмотри! - повариха указала рукой в небо, где уже сверкали первые звёзды.

- Хорошо посмотри, крепко!

И опять мы все смотрели хорошо и «крепко».

- Что видишь, скажи!

- Звёзды вижу, - Александр не мог взять в толк, куда клонит тётка Чарду.

- Я старый женщина, Саша, много лет тундра живу, звёзда посмотрю. И каждый звездочка свой место знает, свой друг-подружка знает. Вместе гуляит, где был, туда опять приходит. Всегда порядка тама вверху. Всегда порядка тутa внизу. А порядка без Хозяин не бываит, только беспорядка бываит, однако!

Ты — свой маленький палатка хозяин, Тойон-Каллан* — свой большой палатка хозяин!

Закипел чайник, и тётка Чарду налила каждому горя-а-а-чего чаю и дала по доброму куску пирога с рыбой.

После ужина рыбак Евгений и рыбацка Евгения взялись за руки и пошли гулять по-над бережком моря, а прочие рыбаки пошли отдыхать.

Лишь молодой рыбак Александр подбросил веток в костёр, улёгся на спину, заложил руки за голову и стал смотреть в пошитый из вечности, изукрашенный звёздами купол небесной палатки, широко раскинувшийся над парусиновыми палатками рыбаков.

*Тойон Каллан — Хозяин Неба. Второй по значению бог долганского языческого пантеона. (Первым является Аан-Дойду, Отец Вселенной).

Владимир ЭЙСЧЕР

Поэма об улитке и Фудзияме

Улиткина мотивация

- Улитка, забирающаяся на вершину горы, мотивирована только тем, что около нее другая улитка тоже забирается на вершину горы и мотивирована только тем, что около нее первая улитка взбирается на вершину горы.

Олимпийский принцип

- Доползти до вершины не главное, главное – ползти на вершину, – говорила улитка, ползущая на вершину Фудзиямы.

Извилистость пути

- Путь на вершину горы извилист, независимо от того, улитка ты или великан, – говорила мудрая улитка, ползущая на вершину Фудзиямы.

Горы вооот такой вышины!

- Не бывает слишком высоких гор, бывают ленивые улитки! - говорила улитка, взбирающаяся на вершину горы.

Путь философа

- Камни моего пути – философские, – говорила улитка, ползущая на вершину Фудзиямы.

Приоритеты

- Важна не скорость, важна целеустремленность, – говорила улитка.

Менталитет улитки

- А для меня нет разницы: взобраться на гору или гору обойти, – говорила улитка.

Темпы покорения вершин

- Бегом на гору не взберешься, – говорила взбирающаяся на вершину Фудзиямы улитка.

Вершина смысла жизни

- Любая вершина доступна, если впереди целая жизнь, – говорила улитка, взбирающаяся на вершину Фудзиямы.

Юрий ТУБОЛЬЦЕВ (Германия)